Владимир Смирнов

третий контур

мир /soft/total/

«Красный Матрос»
Санкт-Петербург
2018

Смирнов В.

Третий контур. — Санкт-Петербург: ТО «Красный Матрос»,
ООО «Аргус СПб», 2018. — 140 с.

ISBN 978-5-6041086-5-9

«Красный Матрос» — книга двести шестьдесят шестая

Данный текст является общественным достоянием, то есть может свободно использоваться любым лицом.

При этом должны соблюдаться право авторства, право на имя и право на защиту репутации автора (личные неимущественные права автора).

Свободное использование подразумевает:

— использование произведений без согласия автора;

— без заключения с ним договора;

— без выплаты вознаграждения.

То же относится и к оформлению обложки — за что отдельная благодарность петербургскому художнику Анатолию Кудрявцеву.

1

Поверхность стола напоминала поверхность Юпитера, какой мы видим ее на фотографиях — две широких полосы и большое пятно от спиленной ветки. На старой столешнице кое-где остались вмятины и царапины, как будто фотографию отпечатали с потертого пленочного негатива доэлектронной эпохи...

— Спасибо, достаточно, — прервал Бориса экзаменатор. — Можешь идти, результаты тестов будут объявлены сегодня вечером.

Его голос был вежливо-отстраненным, но Борис почувствовал в нем скуку и разочарование. Это было непостижимо — как, в нем разочаровались? К такому он точно не был готов.

Одновременно пришло и абсолютно ясное понимание — он провалился. Это тоже казалось совершенно невероятным. Он, победитель районных и городских олимпиад, окончивший лицей с медалью — провалился! Мать уверяла, что его могли взять в любой вуз без экзаменов. А здесь — он получил высший балл на вступительных по математике, написал отличное сочинение — и что? Полное поражение? Как такое возможно?

Он, конечно, не Гоголь и не Набоков, но сочинения ему всегда удавались; здесь его уровень был

явно выше среднего. Несколько раз его работы побеждали на районных конкурсах, а однажды даже на городском. И сегодня он был в ударе, слова складывались красиво, без зазоров. А в ответ — лишь это брезгливое разочарование. Как будто его внезапно хлестнули по лицу мокрой тряпкой.

Борис шел домой на заплетающихся ногах, погруженный в липкий туман тоскливого безразличия. Где-то на периферии сознания крутилась мысль, что его уверенность в провале ни на чем не основана. Нет никаких фактов, подтверждающих ее. Что довольно странно — фактов нет, а уверенность есть, причем безусловная. Интересный феномен, который стоило бы проанализировать. В другое время Борис с радостью ухватился бы за такую возможность, но сейчас безразличие, казалось, заполнило его целиком, вытеснив все нелепые порывы.

Дома мать с порога набросилась на него, включив привычную шарманку последних дней. Что универ ждет его — и без всяких экзаменов, что первое образование непременно должно быть техническим, что нельзя начинать серьезное обучение с мутного неаттестованного вуза... Какое-то время Борис, погруженный в собственные переживания, слушал ее как фон. Наконец он очнулся:

— Ма, да не переживай, поступлю я в твой универ.

— Что? — Мать не ожидала такого ответа и не успела переключиться с заготовленного монолога.

— Я провалился.

— Провалился?! На чем?

Разумеется, мать тоже не поверила. Да и кто бы поверил.

— На гуманитарном. По математике получил высший балл, а вот сочинение…

— Не может быть! Боря, у тебя же всегда… Ты что, переволновался?

— Нет, я хорошо написал. Но им не понравилось.

— Не понравилось?! Как такое возможно?

Матери требовалось время, чтобы осознать то, что он уже принял как факт.

— А когда объявили результаты? — спросила она, пытаясь найти во всем этом какой-то подвох.

— Вечером объявят. Но я уже все понял…

— Не можешь ты ничего знать заранее! — Мать снова почувствовала выбитую из-под ног почву. — Но с универом ты правильно решил, сейчас именно это тебе и нужно.

Борис не стал спорить. Сообщение о результатах тестирования пришло поздно вечером. Он провалился.

2

Обида прокручивалась в голове постоянно, замкнувшись бесконечным циклом. Как же так получилось? Он мало знал о выбранном институте, пошел туда только из-за Мити — с ним вместе они когда-то ходили на факультатив по информатике. Вернее, из-за того, как тот изменился за последний год. Было в этом что-то непонятное и притягательное. Все студенты ИГП были не совсем обычными, не похожими ни на кого из его знакомых. Независимыми, немного отстраненными, как будто понявшими что-то важное. Борису хотелось стать таким же — и это действовало на него сильнее всех правильных маминых доводов.

Митя был на год старше и окончил лицей еще в прошлом году. С математикой у него было похуже, чем у Бориса, а за сочинения он и вовсе никогда не получал больше четверки. Но поступил же! Поэтому Борис и не видел никаких проблем в тестовых испытаниях; провал стал для него полной неожиданностью. Да, он будет учиться в универе и, возможно, даже будет первым на курсе, как был первым в классе — но память о значимом поражении теперь навсегда останется с ним. Его уверенность в себе требовала срочного ремонта, и хорошо, если не капитального. Он должен был понять, что же пошло не так на по-

следнем экзамене. А для этого ему надо было поговорить с Митей — об институте, о приемной комиссии и конкретно о вступительном сочинении. Борис чувствовал, что именно в нем он и совершил главную ошибку — не понимал только какую.

Информация об институте, собранная им в сетях, оказалась крайне скудной — что само по себе уже было странным. Все вузы наперебой рекламировали свои программы, выкладывая в инет огромные массивы данных, просмотреть которые можно было разве что очень выборочно. На этом фоне официальная страница ИГП выглядела более чем скромно — логотип, краткий лист контактов и туманная фраза об изучении каких-то глубинных психических процессов. И никаких перекрестных ссылок. Как будто речь шла не об учебном заведении, а о секретном объекте.

Борис даже попросил мать перепроверить сведения об институте — ее допуск позволял просматривать почти все закрытые сегменты сети. Но и это не помогло. Информация не была закрытой — она просто отсутствовала. Реклама, в принципе, внутреннее дело ректората; ее отсутствие странно, но вполне допустимо. А вот то, что мать не смогла подключиться к мониторингу учебных корпусов института, вызывало самые серьезные подозрения. Это означало, что институт был серой зоной.

Объекты серой зоны не просматривались и не прослушивались. Такое допускалось крайне редко и указывало на серьезную крышу на самом верху; в этом случае не стоило проявлять излишнего интереса к закрытому объекту. В принципе, серую зону могла обеспечить и хакерская группировка — нетолерантный сектор, например, с самого начала был полностью непроницаем. Но подозревать в такой авантюре учебное заведение было бы более чем странно.

В результате мать заявила, что она и слышать больше не хочет об этой «мутной шарашке». Борис тоже склонялся к тому, что поторопился с выбором. Но сомнения от этого никуда не делись и подтачивали изнутри — что же все-таки с ним не так? По какому критерию забраковали его, отличника и призера олимпиад? Он привык быть победителем во всем, за что брался — и не мог смириться с внезапным поражением. Этот позор постоянно тлел в уголке сознания; нельзя было идти вперед, оставив его в тылу.

3

Борис позвонил Мите и договорился встретиться в кафе у института. Он не совсем понимал, как правильно сформулировать свой вопрос, и предпочел бы самостоятельно покопаться в справочной информации — но она, к сожалению, была недо-

ступна. Его единственным источником мог стать лишь Митя — который, как всегда, опаздывал. Борис помнил об этой его черте, но надеялся, что институт делает студентов более собранными. Надеялся, как выяснилось, напрасно.

Присев за столик у окна, Борис ждал друга, не спеша потягивая яблочный сок из высокого стакана. Плавное течение его мыслей прервала вошедшая в кафе девушка. Стройная, идеально ухоженная и безупречно экипированная, она уверенно расположилась за стойкой, небрежно закинув ногу на ногу. Вид открывался великолепный, ни прибавить, ни убавить.

Слишком красивая, — подумал Борис с легким сожалением. — И откуда только такие берутся, может их в каких-то специальных инкубаторах выращивают? Тут мне явно ничего не светит; и хорошо, если просто отошьет. Но если скажет «мальчик», позора не оберешься. А жаль, такое милое личико, и ножки просто идеальные.

Он старался не смотреть на девушку, но взгляд то и дело непроизвольно соскальзывал в ее сторону. Наконец в дверях появился Митя и прервал этот навязчивый цикл.

— Привет! — протянул он руку. — Нравится?

— Привет! — Борис пожал протянутую ладонь. — Что нравится?

— Не прикидывайся, — усмехнулся Митя.

Отвечать Борис не стал, вопрос был риторическим. Он подождал, пока Митя усядется, и рассказал ему о своем провале.

— Главное — сочинение, прикинь! Откуда меньше всего ожидал подлянки! Ты же знаешь, у меня с ними никогда проблем не было.

— А какая тема?

— Описать то, что видишь.

— Стандарт! — кивнул Митя. — У меня было то же самое. И что ты написал?

— Про стол. Представляешь — там стоял настоящий деревянный стол, старый, с разводами. И на нем было пятно, как на Юпитере...

— Понятно, — перебил Митя. — Достаточно.

Борису показалось, что в его голосе он уловил то же разочарование, что было у экзаменатора. Он почувствовал внезапное раздражение.

— И что не так с этим столом?

— Дело не в столе. Ты честно описал все, как видишь. Но видишь ты мир как совокупность объектов в пространстве.

— А как еще можно его видеть? Ты-то сам про что написал?

— Про миг. Про встречу мгновения.

— Но как про это можно написать?

Митя пожал плечами.

— Это сложно объяснить. Ты же помнишь, у меня с сочинениями всегда было напряженно.

— Да не важно! — отмахнулся Борис. — Стол, миг — какая разница! Главное, я же все правильно описал, как учили. Красиво, согласованно...

— Ты не понимаешь, — перебил его Митя, — тут принципиальная разница. Мы встречаем мир во времени, а вы — в пространстве. Это базовая установка. Она и была здесь критерием отбора.

4

Митя говорил искренне и благожелательно, никакого желания обидеть у него не было и в помине. Но Борис сжался, как от удара. Он и представить не мог, что уже через год после расставания друг, не задумываясь, переместит его из группы «мы» в группу «они». Что он будет для Мити уже не своим, а чужим. Это было по-настоящему обидно.

— Понятно, — сказал он деланно-равнодушным тоном. — А «мы», надо полагать, это твой институт?

Борис надеялся, что друг смутится, поняв свою оплошность — но этого не произошло.

— Да, «мы» — это мой институт, — спокойно ответил Митя.

— Не такие как все? — спросил Борис уже с явной издевкой.

— Не такие.

Это было уже слишком, и Бориса прорвало. Он хотел бы говорить так же спокойно и отстраненно, как Митя, но язвительные слова сами слетали с языка.

— И чем же вы, такие инаковые, занимаетесь в своем институте? Что изучаете? Магию, телепатию, левитацию?

— Почти угадал. Только без левитации, конечно.

— Продемонстрируешь?

— Легко. Засекай время. Видишь мужчину с залысинами? — Митя сделал едва уловимое движение головой, указывая направление. — Через пару минут он подойдет к девушке, на которую ты весь вечер пялишься. Она давно уже этого ждет, и очень обрадуется. Они немного поворкуют и уйдут отсюда вместе. Не веришь? Хочешь — можем поспорить.

— Эта девушка?! С этим лысым?! — Борис очень выразительно выделил голосом слово «лысый», на миг ему даже показалось, что мужчина услышал его.

— С ним самым, — спокойно подтвердил Митя. — И не бойся, он нас не слышит.

— Я и не боюсь! — обиделся Борис.

— Да, конечно.

Борис хотел сказать что-то обидное, но пока он искал слова, мужчина с залысинами уже подсел

к девушке. Они обменялись несколькими фразами, и вскоре он уже говорил что-то, наклонившись к ее уху. Девушка рассеянно улыбалась.

Вот черт, ведь угадал! — подумал Борис. — И как это у него получилось? Но это же значит, что, наверное, и я бы мог...

Митя посмотрел на него с улыбкой:

— А теперь ты думаешь: «А что, разве так можно было?»

— Неправда! — возмутился Борис, но тут же понял, что сейчас на его лице все написано открытым текстом, и его чувства легко считываются без всякой телепатии.

5

Студенческая жизнь подхватила и завертела; вскоре Борис перестал вспоминать и о Мите, и о его странном институте. Полтора года пролетели легко и весело, учеба давалась без проблем, и с новыми друзьями быстро нашлись общие интересы. С девушками тоже все складывалось просто, никаких обид и взаимных разочарований. Неудачи, конечно, были — но они не воспринимались болезненно; принцип «Нет? Ну и ладно!» надежно защищал самооценку. Все-таки провал с поступлением что-то надломил в нем, и с тех пор Борис старался не ставить целей, на пути к которым можно потерпеть поражение.

Все изменилось в апреле, когда в пестрой толпе студенток он заметил симпатичную субтильную первокурсницу. Заметил — но почему-то не подошел. Она казалась такой хрупкой, почти прозрачной, и трогательно беззащитной. Страшно дотронуться. Если бы заговорил с ней тогда — скорее всего, все сложилось бы с привычной простотой; но что-то его остановило. И вот теперь Борис порой ловил себя на странных мыслях — что губы у нее, наверное, сухие и горячие, и что ему все сильнее хочется дотронуться до ее губ.

Он даже не знал имени девушки, только фамилию — Синицина. Фамилия ему тоже нравилась, она подходила девчонке, как будто специально была выбрана для нее. Синичка, живое чудо в ладонях. Птаха, с которой всё не так, как со всеми.

Секс уже перестал быть для Бориса гиперценностью, поэтому с девушками он сходился легко и беспроблемно. Возможные неудачи не пугали — не одна, так другая, какая разница. Но оказалось — разница есть. С Синициной все было по-другому. Обычный прием — подойти наудачу, рассчитывая лишь на статистику, вдруг стал казаться слишком рискованным. Именно с ней хотелось хоть какой-то определенности. Просчета хотя бы на шаг вперед. Вот тут-то он и вспомнил школьного друга.

Ладно, у меня тогда все было на морде написано, — думал Борис, — и у того лысого тоже, наверное, чуть ли не слюна с подбородка капала. Но как Митя просчитал девушку, она ведь казалась такой невозмутимой? А ему это удалось, причем походя. Наверняка же есть какая-то фишка, которую он заметил. И если ее узнать, можно минимизировать риск неудачи.

Борис не был у друга почти два года, но адрес помнил хорошо. Дверь ему открыла Митина мать.

— Здравствуйте, МарьСанна! А Митя дома?

— Нет, он уже почти месяц на практике. Вернется только через неделю. Да ты проходи.

— Жаль, — разочарованно протянул Борис.

Он хотел уйти, но вежливость требовала еще нескольких дежурных слов.

— А где у него практика?

— На Марсе.

— Где??? — Борис подумал, что ослышался.

— Нет, не на самом Марсе, конечно, — смутилась женщина, — просто мы с мужем так это называем. Когда мы с Митей разговариваем, ответ запаздывает почти на четыре минуты. Вот муж и придумал шутку, что это у нас сеансы связи с Марсом.

— А я могу с ним поговорить?

— Наверное. Сходи к нему в деканат, там тебе все расскажут.

Борис так и поступил. Сеанс ему разрешили и даже предоставили отдельный кабинет с терминалом. Но разговора не получилось. Четырехминутная задержка делала общение не то чтобы невозможным, но качественно иным. Мысли нужно было капсулировать отдельными пакетами, отслеживание мгновенной реакции исключалось. И еще это томительное ожидание. Риторические вопросы «как жизнь?», «как дела?», не требующие содержательного ответа и служащие единственно для настройки на собеседника, полностью теряли смысл. Как и все нюансы общения, не служащие непосредственно для передачи информации.

Если бы его вопрос был проще и конкретнее, проблем бы, наверное, не возникло. Но тема была слишком деликатной и болезненной. Борис поинтересовался Митиными планами на лето и с облегчением свернул разговор. Ладно, подожду неделю, — решил он. — Перетерплю. Но к чему же все-таки их готовят в этом институте?

6

Через неделю они встретились в парке. Борис начал издалека, не решаясь задать прямой вопрос, но Митя оборвал его:

— Извини, у меня мало времени. Ты ведь хотел что-то спросить?

— Знаешь, я часто вспоминаю нашу последнюю встречу. И не могу понять — как ты тогда смог просчитать ту девушку? Это же просто магия какая-то.

Митя пожал плечами, и Борис подумал, что сейчас тот скажет свое коронное «Элементарно!». В школе это было его обычной реакцией на непонимание собеседника.

— Элементарно! — ответил Митя.

И сделав небольшую, но ощутимую паузу, добавил:

— Ты ведь знал, что я так скажу? Вот в этом и есть наша магия.

— Это просто, я же тебя давно знаю. А ту девушку ты ведь видел первый раз?

— Первый, — подтвердил Митя, — но там трудно было ошибиться.

— Почему?

— Понимаешь, ты по умолчанию видел в ней личность со сложным внутренним миром. И, соответственно, ожидал от нее широкого спектра возможных реакций. Но спектр на самом деле гораздо уже. Не нужно было детально разбираться с ее психикой — для предсказания это не имело значения.

— Вот и расскажи, на что там надо было смотреть, — попросил Борис.

Митя остановился, сорвал листик с куста и растер его в пальцах.

— Не все так просто. Этого в двух словах не объяснишь. Ты же читал про Шерлока Холмса? Он бросал беглый взгляд на ботинки посетителя и сразу понимал, откуда тот пришел. Метод прост до безобразия — смотришь на ботинки, анализируешь грязь. Но чтобы сделать правильный вывод, надо знать все сорта лондонской грязи. Иметь в голове огромную базу данных и уметь оперативно работать с ней. Вот и с людьми все примерно так же — смотришь и анализируешь. Лицо, глаза, позы, жесты. Все на виду, надо только уметь прочесть невысказанное.

Борис помрачнел.

— То есть у меня ничего не получится? Или все же есть какие-то простые маркеры, которые даже я смогу считывать?

— Сомневаюсь. Маркеры-то, конечно, есть, но там часто столько оговорок, что все легко может обернуться своей противоположностью. Впрочем, это не важно — в твоем случае глубоко копать не надо.

— В каком еще случае? — подозрительно спросил Борис.

— Тебе же понравилась девушка? Она первокурсница?

— Откуда ты... — начал было Борис, но тут же одернул себя. — Ладно, забей. Первокурсница.

Задним числом он понимал, что все действительно лежит на поверхности — весна, внезапно всплывшее воспоминание об экспресс-предсказании, желание встретиться с другом и расспросить его о девичьих маркерах. Какой вывод тут напрашивается? И про первокурсницу тоже можно было догадаться — в просвете его бытия вдруг появилось новое лицо. Полтора года он и не вспоминал о Мите, а тут вдруг засвербило. Действительно — элементарно; но задним числом обычно все кажется простым.

— Так что ты мне посоветуешь?

— Спонтанность. Просто подойди к ней, и все само образуется.

— Уверен?

— Практически. Я же видел, как ты смотришь на девушек. И твоя избранница не могла этого не заметить. Так что если бы ты ей не нравился, ты бы уже это почувствовал.

— А может я и почувствовал?

— Вряд ли, — ответил Митя, — тогда бы я это заметил.

7

Митя, как всегда, оказался прав — еще не успев подойти к Синициной, Борис понял, что она этого ждет. Девушка стояла у окна и что-то читала —

или делала вид, что читает. Черная майка с глубоким вырезом и низко сидящие джинсы открывали выступающие ключицы и тазовые косточки; они казались тонкими и хрупкими, как будто из мира с другой силой тяжести. «Обнять и защитить» — древняя программа, над которой можно смеяться, пока речь идет о других. Но потом уже не до смеха.

Борис шел прямо к девушке, и когда сомнений в этом не осталось, Синицина подняла голову и встретилась с ним взглядом. Понимание пришло мгновенной вспышкой полной ясности. От нахлынувшей радости губы непроизвольно растянулись в улыбке, сдержать которую не было ни сил, ни желания. Борис уперся плечом в стену рядом с девушкой. Блаженная улыбка не сходила с его лица, и Синицина так же непроизвольно улыбнулась в ответ.

— Привет!

— Привет!

— Меня зовут Борис. Можно — Боб.

— Я знаю, — ответила девушка и смутилась как-то совсем по-детски, видимо поняв, что говорить об этом не стоило. — А меня Оля.

Оля-Оленька, пугливый олененок. Имя подходило ей идеально; еще минуту назад Борис не знал его, а сейчас был уверен, что никакого другого у нее и не могло быть. Но как же просто все сложи-

лось, просто и правильно. И почему он так долго тянул?

Через несколько дней Борис столкнулся с Митей на выставке перспективных разработок средств дальней связи. Митя выглядел отдохнувшим и довольным.

— Привет, какими судьбами! У тебя, я вижу, все получилось?

— А что, разве есть сомнения?

— Нет, конечно. Просто надо же как-то начинать разговор, и лучше начать его с чего-то приятного.

Но тут Митя ошибся. Краткая эйфория воспоминания почти без перехода сменилась болезненным раздражением. Борису было неприятно находиться рядом с человеком, от которого ничего нельзя скрыть. Как будто границы личного пространства рухнули, защиты отключились, и он остался голым и беззащитным посреди ледяного мира.

— Я уже понял, что вас учат видеть всех насквозь. Но неужели вас не учат нормально общаться с людьми?

Улыбка исчезла с Митиного лица, и он сразу стал серьезным.

— Ты прав. Нас все преподы предупреждали, что на младших курсах мы будем вести себя как настоящие говнюки. Знал бы ты, как мне порою трудно с родителями.

— Или им с тобой?

— Особенно им со мной.

Самокритичное «говнюки» немного примирило Бориса с Митей, хотя напряжение осталось. Он подумал, что такое же неприятное чувство Митя, наверное, каждый день испытывает в своем институте.

— Хотел бы я посмотреть, как вы общаетесь со своими преподами. Они же у вас, наверное, настоящие монстры.

Митя покачал головой.

— Нет, что ты. У них-то с маскировкой все в порядке. Мой куратор по Древним, например, на монстра совсем не тянет; я бы даже сказал, что он скорее выглядит слегка придурковатым. И изъясняется обычно какими-то напыщенными банальностями. Про твою ситуацию он никогда не сказал бы «это естественно», но непременно изрек бы что-то пафосное, вроде «колеса судьбы катятся по рельсам неизбежности». Умнейший человек, а с виду и не скажешь.

— Куратор... по кому? — не понял Борис.

— По Древним.

— По каким Древним, ты что? Нет же никаких Древних.

— Да, их самих уже нет, — согласился Митя, — но их программы остались и продолжают работать.

— Ты имеешь в виду агрессию, ненависть? Вот это? — догадался Борис.

— Не совсем. Это всего лишь известные неудобства, а мы занимаемся проблемами.

— И какие же проблемы оставили нам Древние?

— Многие. Например, стремление к размножению.

— А в чем тут проблема? Это же, наоборот, прекрасно.

— В том-то и загвоздка. Современный человек жестко социализирован и на автомате гасит агрессию — потому что в ее основе лежит социально порицаемый негатив. Этот негатив он учился контролировать тысячелетиями. Но в основе стремления к размножению лежит сплошной позитив — любовь, дети и все самое хорошее. А к контролю позитива человек совершенно не готов.

Обсуждать эту тему Борису совсем не хотелось, он предпочел бы свернуть разговор и поскорей распрощаться с Митей.

— Ну и отлично. Вы же считаете себя рыцарями, борющимися со злом? Так и боритесь с ним, а добро оставьте в покое, оно и без вас прекрасно обойдется.

Митя скорчил трагичную гримасу.

— Не все так просто. Угроза перенаселения уже вполне реальна — а для ее сдерживания у человека нет никаких внутренних запретов. Значит, если припрет, придется ограничивать рождаемость внешними мерами, а они, мягко говоря, не очень популярны. Никто не любит внешние принуждения.

— Это верно, — подтвердил Борис, — и я тоже не люблю. Пока.

— До скорой встречи! — улыбнулся Митя.

Это вряд ли, — подумал Борис, — я теперь этот институт за версту буду обходить. Или Митя опять что-то знает, и от моего желания уже ничего не зависит?

8

Похоже, Митя действительно что-то знал — потому что в следующий раз они столкнулись на территории университетского спорткомплекса. Какие у него тут могут быть дела? — раздраженно подумал Борис. — Интересно, он опять сделает вид, что встреча случайна, или признается, что искал меня?

Вид у Мити был непривычно озабоченный, от его обычной расслабленности не осталось и следа. Он рассеянно поздоровался и замолчал, как будто не решаясь начать разговор.

— Какой-то ты смурной сегодня, — заметил Борис, — тоже сессия пригрузила?

— Что? Сессия? Нет, у нас другая система.

— А что тогда?

— Да вот, есть работа.

Митя говорил в своей обычной манере — туманно и многозначительно. Бориса это всегда раздражало, и сейчас ему снова захотелось поддеть друга.

— Какая работа? Как всегда — спасаете мир?

— Не совсем. Скорее, поддерживаем.

— Это как?

— Ты ведь математик? Ты можешь представить актуальную ситуацию как уравнение со многими неизвестными?

— Ну, допустим.

— Тогда тебе должно быть очевидно, что чем больше данных будет в твоем распоряжении, тем точнее окажется результат.

— Согласен.

Борис не мог понять, куда клонит его собеседник, но желание уйти уже пропало. Митя продолжал:

— Отлично. Мы исходим из того, что хорошее будущее — это развитие. То есть усложнение, введение в ситуационное уравнение множества новых параметров. Поэтому хорошее будущее практически невозможно просчитать. А плохое будущее, наоборот — деградация, уменьшение числа параметров. Просчитать плохое будущее гораздо проще. А дальше уже дело техники — чем лучше мы понимаем негативную тенденцию, тем больше шансов, что ее можно будет как-то исправить.

Разговор увлек Бориса, первоначальное раздражение поблекло и отступило. Мите всегда удавалось поразить и озадачить его, хотя ни сейчас, ни прежде он не открывал ничего нового. Всегда говорил лишь то, что всем и так известно. Но Борис опять попался на эту удочку. Ему уже хотелось знать, к чему приведут Митины построения. Однако у него не было ни малейшего желания открыто демонстрировать свой интерес.

— Значит, ты Кассандра, умеющая предсказывать одни лишь гадости?

Митя коротко хохотнул.

— В самую точку! Зачем предотвращать хорошее — пусть случается! Нет, кто-то наверняка занимается и позитивными прогнозами. Но наше дело — регламентное обслуживание настоящего. Чтобы не было сбоев в будущем.

— Звучит красиво, — признал Борис, — но от меня-то вы чего хотите? Ты ведь не просто так здесь оказался?

Митя посмотрел на него с легкой досадой; видимо, он рассчитывал прочитать целую лекцию. Выплеснуть поток общих фраз, не сказав ничего конкретного.

— А ты быстро учишься.

— Есть у кого. Ну так что?

Митя замялся, но после прямого вопроса оттягивать объяснение было бы совсем глупо.

— Понимаешь, я получил одно задание... Очень ответственное задание...

— Какое задание, что за бред?! Ты же еще студент!

— Я и сам не ожидал. Но сейчас все так быстро меняется. При последнем сканировании в настоящем обнаружилось множество потенциальных угроз. Вернее, изменились методики оценки, и многие нейтральные факторы стали оцениваться как угрожающие. Все сразу не охватить, специалистов не хватает. Приходится привлекать и студентов. Кураторы считают, что моя область опасности не представляет, что наша проверка — простая формальность. Но я в этом не уверен.

— Наша?! Что значит — наша?

— Извини, — сказал Митя смущенно, — это не моя инициатива, я бы предпочел работать в одиночку. Но есть инструкция, которую я не могу нарушить. Кто-то должен меня страховать. Кто-то, кому я доверяю. А кроме тебя это поручить некому.

— И ты извини, — ответил Борис, — но у меня другие планы. Через неделю я закрываю сессию и мы с Олей летим в Тай.

Митя виновато развел руками.

— Мне очень жаль, но этим летом вы никуда не улетите. Поверь, мне и самому это не нравится. Но решение уже принято.

— Еще как полетим, — возразил Борис. — Хотел бы я посмотреть на того, кто посмеет нам помешать.

Митя окончательно смутился, таким растерянным Борис его еще не видел.

— Прости, но от меня тут уже ничего не зависит. Этим занимается специальный отдел, киты.

— Какие киты?

— Мы их так называем. Ты помнишь притчу об Ионе?

— Смутно.

— Иона был призван к подвигу, но испугался своей миссии и попытался уклониться от нее. Он решил убежать, сел на корабль и поплыл в Фарсис — чем сильно разгневал бога. Разразилась буря, и Иону скинули в море, где его проглотил кит. Трое суток кит носил пророка в своем чреве, а затем исторг на берег — для продолжения служения. Как ни крутись, никто не может уклониться от своей миссии.

— Это мы еще посмотрим, — ответил Борис. — Я не собираюсь из-за ваших дурацких идей лишиться лучшего лета в своей жизни. Ищите кого-то другого.

9

В то, что его могут задержать или снять с рейса, Борис не верил — не те времена. Но мандраж, начавшийся за день до отлета, с утра пошел вразнос. Страха не было, тревога послушно гасилась разумными доводами; и только временами тело внезапно напоминало о себе то участившимся сердцебиением, то спазмами в животе. Разум верил в законность и гражданскую защиту, гарантируемую гуманным обществом. Но тело было древнее разума, оно уловило угрозу и готовилось к ее отражению. Стоило чуть расслабиться, как оно вновь настойчиво напоминало — Соберись! Будь начеку!

До аэропорта их подвезла Олина подруга, всю дорогу трещавшая без умолку. Борис слушал ее вполуха, гнетущее напряжение не давало сосредоточиться. Он почувствовал облегчение, когда навигатор объявил о завершении маршрута и машина остановилась у стеклянных дверей. Борис достал из багажника чемодан на колесиках, закинул на плечо дорожный кофр и коротко попрощался с девушкой, имени которой так и не запомнил. Оля взяла его за локоть, и они вошли в здание аэропорта. Прикосновение прохладных девичьих пальцев было приятным. Да и сама она выглядела чертовски соблазнительно в короткой джинсовой юбке

и топике, под которым ничего не было — это Борис сегодня уже успел проверить.

Они остановились перед информационным экраном. Митя все же сумел поколебать его уверенность, и Борис не стал заказывать билеты заранее. Он решил сесть на любой свободный рейс и поскорей улететь из города, а там уже действовать по обстоятельствам. И теперь ему предстояло выбрать место, где они проведут следующую ночь. Внезапно Оля отпустила его локоть и присела на корточки, чтобы погладить подошедшего к ним черного лабрадора. Борис почувствовал легкий укол ревности — не следовало бы ей приседать в столь короткой юбке. Но вслух он, разумеется, ничего не сказал. Оля подняла на него глаза:

— Погладь же его, он такой милый!

Борис присел и рассеянно почесал пса за ухом. Тот вывернулся и, отрывисто гавкнув, ткнулся мордой в его кофр. Борис вновь ощутил острый спазм в желудке. Все это было как-то неправильно — одинокий пес без намордника среди людской толчеи. И где его хозяева?

Борис оглянулся и тут же заметил хозяев — двое сотрудников службы охраны шли прямо к ним.

— Молодые люди, я сожалею, но вашу сумку придется досмотреть, — сказал старший. — Не беспокойтесь, это займет лишь несколько минут.

Он сделал приглашающий жест в сторону двери с табличкой «Только для персонала», и Борис неохотно поплелся за ним, бросив на ходу:

— Подожди, я быстро!

Оля с чемоданом осталась у экрана; второй охранник взял пса на поводок и продолжил обход. На входе в досмотровый отдел Борис споткнулся о порожек и едва удержал равновесие. Он гнал от себя дурные предчувствия, но без особого успеха. Процедура досмотра была ему знакома — его зимняя практика проходила на терминале такой же категории. Один сотрудник справлялся с этой работой за пять минут, без помощников и понятых. Свидетели были не нужны — съемка велась одновременно с трех точек. Это также гарантировало, что охранник не сможет ничего подкинуть — а значит, бояться нечего. Но затяжной спазм в желудке не отпускал. А вдруг там все же что-то есть? Борис купил новый кофр только вчера и с тех пор с ним не расставался. Подложить в него что-то могли разве что еще до покупки. Возможно ли такое? Выяснить его вкусы, узнать, где он закупается, и заранее ограничить там выбор, сделав его безальтернативным. Не может быть, бред какой-то — ведь до вчерашнего дня он даже не был уверен, что захочет сменить кофр. И все же — выбора в магазине действительно не было, все остальные варианты были

явно не в его стиле. Тогда он не обратил на это внимания, но теперь даже такая мелочь стала казаться подозрительной. И еще этот лабрадор — все складывалось как-то совсем нехорошо. Единственное, что оставалось — не проявлять излишней суетливости и не задавать глупых вопросов.

Не дожидаясь приглашения, Борис прошел сквозь очередную рамку и молча поставил кофр на стол. Сотрудник включил круговое освещение, раскрыл молнию и приступил к досмотру. Он аккуратно достал фотоаппарат и стал выкладывать на стол сменные объективы. Его движения были точными и уверенными — чувствовалось, что подобная техника ему хорошо знакома. Не касаясь оптики, он быстро отсоединял и возвращал на место съемные части. Вскоре кофр опустел. Борис вздохнул было с облегчением, но тут охранник привычным движением ощупал подкладку и потянул за язычок скрытой молнии. Подкладка отогнулась, раскрывая потайной карман на внутренней стенке. Началось! — обреченно подумал Борис. И тут же его желудок сжался в жесткий комок с острыми краями — он заметил в кармане край небольшого бумажного пакетика.

Ошибиться было невозможно — только одно вещество имело смысл тайно подбрасывать. И только на него натаскивали служебных собак. Таран, конечно, что же еще. Препарат сам по себе ней-

тральный, не оказывающий какого-либо заметного действия; но вот в паре с другим или в составе гормонального коктейля... Таран заметно ослаблял гематоэнцефалический барьер, позволяя впрыснутым в кровь гормонам непосредственно воздействовать на нейроны. Обычно такой эффект использовали для получения максимального удовольствия; но его можно было применить и для манипуляции другими — а это уже считалось тяжким преступлением. Поэтому таран был запрещен на всей территории федерации, и его перевозка грозила серьезными последствиями. Все это пронеслось в сознании практически мгновенно — за ту секунду, когда Борис уже заметил пакетик, а охранник еще нет.

10

Борис приготовился к неизбежному, но тут зазвенел зуммер рации на поясе сотрудника. Тот недовольно поморщился, нажал кнопку на гарнитуре и повернулся к одному из экранов наблюдения:

— Ну, что там у вас? Хорошо, через минуту закончу и подойду.

Сейчас или никогда! — Борис резко нагнулся, рывком выхватил из кофра пакетик и зажал его в кулаке. Боковым зрением охранник уловил его движение и вскочил со стула. Борис двумя руками схватился за горло и прохрипел:

— Не могу! Меня сейчас вырвет!

Он бросился к неприметной двери в углу кабинета, за которой, как подсказывала память, должен находиться санузел. Охранник метнулся за ним. Память не подвела — за дверью действительно оказался туалет с огромной лужей на полу. Не обращая на нее внимания, Борис в два прыжка пересек помещение и с размаху упал на колени перед унитазом. Правая рука разжалась, левая до упора вдавила кнопку слива. Мощная струя подхватила пакетик и унесла его в канализационный сток.

Вот и всё, — подумал Борис, — скажу, что в пакете была веселящая смесь, а в унитаз ее спустил потому, что испугался. Это легкое нарушение, как-нибудь выкручусь. Про таран никто ничего не докажет, а любое сомнение всегда трактуется в пользу подозреваемого.

Он склонился над унитазом, имитируя рвоту. Охранник ворвался в туалет, едва не сорвав дверь с петель; в правой руке он сжимал шокер. Тяжелый ботинок с размаху опустился в лужу, подняв веер прозрачных брызг. Неожиданно подошва скользнула вперед, охранник нелепо взмахнул руками и завалился на бок. Раздался характерный треск — видимо, падая, он непроизвольно нажал курок. Его тело судорожно дернулось и замерло.

Этого Борис никак не ожидал. Он вытащил охранника из лужи, усадил его на пол, прислонив спиной к стене, и проверил пульс. Ничего страшного — все служебные шокеры гарантированно нелетальны; но теперь дело приняло совсем дурной оборот. После всего случившегося вряд ли удастся легко выпутаться; в любом случае будет муторное расследование с вызовами и расспросами.

Но как же мастерски все было разыграно! Вызов раздался секунда в секунду, за ними явно наблюдали. И принятое сообщение заставило охранника повернуться к самому дальнему монитору, на миг выпустив кофр из поля зрения. Эти киты — настоящие профи. Но дальше, видимо, все пошло не по плану. Ведь нельзя же было предвидеть, что охранник поскользнется и, падая, нажмет на курок шокера. Или все же можно? Не случайно ведь появилась в туалете эта лужа. Скорее так — просчитали и этот вариант, но как один из маловероятных. А в запасе наверняка имелось и несколько альтернативных, более реалистичных. Думать о которых совсем не хотелось. Итог все равно один — его захотели подставить и подставили по полной программе.

Теперь все выглядело как нападение на сотрудника при исполнении. В туалете камер не было, а на съемке в зоне досмотра его преступный умысел был очевиден. Охранник же не факт, что все вспомнит, слишком внезапно он отключился. Киты свое дело знают.

Решение пришло мгновенно и напугало до холодного пота. Хотя — хуже уже не будет, так что почему бы и нет. Борис знал, как работают системы видеонаблюдения на терминалах этого уровня. Данные поступают в центральное хранилище не в режиме реального времени; раз в полчаса массив архивируется и передается в центр одной посылкой. Он взглянул на табло с часами — в его распоряжении было шесть минут. А может и меньше — охранник вот-вот должен был очнуться.

Борис наскоро собрал со стола объективы, закинул кофр на плечо и подошел к охраннику, еще не пришедшему в себя. Снял с его рубашки пропуск-бейджик и прикрепил себе на футболку. Затем оторвал кусок туалетной бумаги и тщательно протер кнопку слива и дверные ручки. Внешняя камера зафиксировала это действие — почерк преступника, заметающего следы. Теперь уже точно отступать было некуда.

Он подошел к выходу в служебную зону, поднес бейджик к считывателю и оказался в длинном пустом коридоре. Быстро нашел нужное помещение, еще не зная, сработает ли пропуск. Ему повезло — допуск охранника оказался достаточно высоким.

Подойдя к серверу, Борис аккуратно вынул обе пластинки накопителей и запустил перезагрузку с полным тестированием. Это давало небольшую фору во времени, но надо было спешить. И еще — надо было выйти в общий зал незамеченным.

С этим ему вновь повезло — и он вновь поймал себя на мысли, что таких совпадений не бывает, что он, возможно, просто отрабатывает написанный для него план, в котором все, вплоть до самой незначительной мелочи, учтено заранее. Но тогда это должно было означать, что для него уже подготовлены и пути отхода, главное — не выпасть из графика. Борис неслышно подошел к Оле со спины, сжал ее локти и наклонился теплому розовому уху:

— Малыш, ты мне доверяешь?

Она вздрогнула, развернулась легким танцевальным движением, и радость на ее лице сменилась недоумением:

— Что?

— Нам надо уходить, прямо сейчас. Не спрашивай ни о чем, я все расскажу по дороге.

Борис потянул Олю за локоть, но она не сдвинулась с места.

— Так мы никуда не летим?

— Нет, милая, сегодня точно ничего не получится. Пожалуйста, поверь — нам больше нельзя здесь оставаться.

Олины губы дрогнули в трогательной гримаске обиды, и Борис подумал, что все напрасно, она никуда не пойдет. Глупо было надеяться, что она поверит вот так, вслепую. А через минуту центр не получит очередной посылки, охрану поднимут по тревоге — и тогда у него начнутся настоящие неприятности. Борис открыл рот, но ничего не сказал; слов, способных убедить, у него не было. Видимо, Оля почувствовала его отчаяние и поняла, что все серьезно. Она бросила беглый взгляд на служебный вход и перешла на шепот:

— Боря, у тебя что-то нашли?

— Нашли. Я отключил систему наблюдения, но времени у нас уже почти не осталось.

Он снова потянул Олю за локоть, и на этот раз она подчинилась. Свободной рукой Борис подхватил чемодан и направился к выходу. Оттуда, не сбавляя темпа — к автобусной остановке. Задержался он лишь раз — присел на секунду около люка, чтобы поправить шнурок. И незаметно опустил бейджик и два накопителя в щель решетки ливневой канализации.

11

В полупустом автобусе они заняли задние кресла — обычная парочка, жаждущая уединения. Борис заговорил быстрым сбивчивым полушепо-

том; он рассказал все — от странного Митиного предложения до выброшенных накопителей. Оля сидела неподвижно, сцепив в замок побелевшие пальцы и глядя прямо перед собой. Недоверие читалось во всей ее напряженной позе, но упрекнуть ее в этом Борис бы не посмел — он и сам не мог до конца поверить в тайный смысл происходящего. Наконец Оля стряхнула оцепенение и повернулась к нему.

— И ты действительно считаешь, что все это было подстроено заранее?

— Скорее всего. Я даже не удивлюсь, если наш автобус вдруг по какой-то причине изменит маршрут.

— Ну знаешь... — начала было Оля и осеклась.

Включилась громкая связь, и голос диспетчера объявил, что из-за дорожных работ в центральном районе автобус пойдет по западной хорде. Борис замер на месте; Оля подалась вперед, глядя на него округлившимися глазами:

— Это... оно?

— Если остановится у студгородка, тогда точно оно.

Автобус остановился у студгородка. Задняя дверь бесшумно открылась. Борис встал и вскинул кофр на плечо.

— Приехали. Выходим.

— Зачем? — Оля упрямо наморщила лоб. — Ничего же еще не объявляли. С чего ты решил, что эта остановка специально для нас?

Борис нервно усмехнулся.

— А для кого же еще? Ты ведь уже поняла, что происходит. Если мы сейчас не выйдем, диспетчер объявит, что автобус неисправен, и высадит всех. Зачем нам подставлять людей? Да и лишние свидетели нам ни к чему. Согласна?

Оля молча кивнула, и они вышли. Дверь бесшумно закрылась, и автобус скрылся за поворотом. Борис посмотрел в сторону застекленного крыльца главного корпуса ИГП — оттуда им навстречу шел Митя. Робкая улыбка на его лице то появлялась, то исчезала.

— Привет! — он поднял руку и неуверенно помахал ладонью возле своего уха.

— А по сусалам? — мрачно спросил Борис вместо приветствия.

Оля осторожно взяла его за локоть. Почувствовав, как напряглись мускулы под ее пальцами, она поспешила сменить тему:

— Боб, это тот самый Митя?

— Тот самый, — Борис постарался вложить в интонацию все, что так и просилось на язык.

Митя виновато развел руками.

— Я ведь уже говорил, это не моя идея.

— А чья же?

Митя выразительно посмотрел вверх.

— Все решения принимаются там. Не скажу точно, на каком уровне, но уверен — противиться бесполезно.

— Бесполезно?! — Борис угрожающе шагнул вперед. — Да ты хоть представляешь, что будет с вашей шарашкой, если мать узнает, чем вы тут занимаетесь?! Да ты...

— Она знает, — перебил его Митя.

— Что?! — Борис подумал, что ослышался.

— Она знает, — повторил Митя. — С ней связались еще месяц назад, и она дала согласие на твое привлечение.

— На привлечение? Таким гадским способом? — услышанное не укладывалось у Бориса в голове.

— Это была проверка, и ты ее выдержал, — ответил Митя без тени улыбки. — Кстати, с тобой все прошло еще довольно гладко. Могло быть и хуже.

12

Борис снова напрягся, но Оля опять перехватила инициативу. Она шагнула вперед и протянула Мите руку.

— Вот и познакомились. Я Оля.

Митя торопливо схватил ее ладонь и с чувством тряхнул.

— Очень рад! Именно такой я тебя и представлял.

Оля возмущенно повернулась к Борису:

— Ты что, ему обо мне рассказывал?

— Нет-нет! — поспешно вмешался Митя. — Конечно нет. Просто я знаю Боба с детства и мог предположить...

— Просто он телепат, — перебил его Борис, не скрывая раздражения.

— Правда? — оживилась Оля.

— Не совсем, — ответил Митя, — но для краткости это можно назвать и так.

— Никогда не встречала телепатов, — улыбнулась Оля. — А можешь сказать, чего я сейчас хочу?

Митя посмотрел на нее с видом фокусника, замершего перед волшебной шляпой.

— Сейчас ты не отказалась бы от чего-то холодненького. От стакана сока. Например... Например, виноградного.

— Бинго! — Оля восторженно дернула Бориса за руку. — А он и правда тот самый!

— Разумеется, — скромно согласился Митя. — Кстати, о соках — у нас прекрасный буфет, давайте перейдем туда. Мы и так уже слишком долго торчим здесь у всех на виду.

— Боб, ну пожалуйста, пойдем! — Оля повисла на руке Бориса, явно ожидая продолжения фокусов.

Он подумал, что должен как-то компенсировать ее утреннее разочарование, и согласился, хотя и не без внутренней борьбы. Впрочем, он согласился бы в любом случае — как можно отказать девушке, когда она смотрит на тебя такими глазами! Митя опять повернул все по-своему, да так ловко, что оказался как бы и ни при чем, оставив последнее слово за ними.

На вахте пожилой охранник выдал Мите временные пропуска — два небольших значка на липучке с буквами «ЗК». Никаких вопросов, никаких комментариев. Понятно, что все было подготовлено заранее; Бориса это уже не удивляло. Неприятно поразило другое — что Оля тоже каким-то образом оказалась втянута в эту игру. Он-то думал, что просчитывали его одного, что вся эта чехарда вертелась лишь вокруг его персоны; но все оказалось гораздо сложнее. Ему захотелось сейчас же отправить Олю домой, подальше от того, что здесь затевалось. Но Борис уже успел узнать ее достаточно хорошо, чтобы понимать — не стоит и пытаться.

Митя картинно размахнулся и с размаху шлепнул Бориса ладонью чуть ниже плеча, прилепив пропуск на рукав его футболки. Шлепок, впрочем, получился совсем не сильным. Затем повернулся к Оле, собираясь повторить ту же операцию, и застыл на месте. Минимальная юбка и топик на тонких бретельках скрывали лишь те места, прикосновение к которым вряд ли можно было назвать дружеским. Оля улыбалась во весь рот, ситуация явно ее забавляла. Митя беспомощно улыбнулся в ответ и протянул ей пропуск; она подошла к ближайшему зеркалу и аккуратно прилепила значок на грудь, как редкое украшение. Отошла на пару шагов и на мгновенье замерла, любуясь собой. Митя с Борисом молча переглянулись; слова были не нужны.

— Ну, в общем... — Митя, чуть сбившись, продолжил, — все работает как обычно. Идентификатор дистанционный, радиус до трех метров. На каждой двери есть индикатор. Зеленый — доступ разрешен, красный — запрещен. Ключ действует только в пределах корпуса, но дальше нам и не нужно.

— А если пожар? — спросил Борис.

В такую возможность он, конечно, не верил, просто захотелось как-то осадить Митю — слишком поспешно и оптимистично у того прозвучало это «нам».

— Допуск нужен только на вход, выход всегда свободный.

Этого и следовало ожидать — Митя уловил его раздражение, но выкрутился легко и непринужденно, ответив одновременно и на прямой вопрос, и на скрытый упрек.

— А что значит «ЗэКа»? — спросила Оля. — Мы здесь на положении заключенных?

— ЗэКа? — удивленно переспросил Митя. — Это не Зэ, это тройка. «Третий контур», наше подразделение.

— И что это за хрень? — вмешался Борис. — Какой еще контур?

— Это внутренний жаргон, — примирительно ответил Митя. — Обычно мы строим модели процессов с использованием обратных связей, отсюда и контур. А третий — это уровень. Первый — мышление, решение задач, встающих перед живым существом. Мышлением, кстати, обладают и животные, только у них оно попроще. Второй уровень — рефлексия, наблюдение за собственным мышлением.

— Мышление о мышлении! — подсказала Оля.

Митя посмотрел на нее с удивлением.

— Можно сказать и так. А третий уровень — наблюдение за собственной рефлексией.

— Мышление о мышлении о мышлении! — радостно закончила Оля.

— Звучит довольно глупо, не находишь? — поинтересовался Борис.

Митя пожал плечами:

— По-моему, нормально звучит. А в чем проблема?

— Как-то слишком скромно, — съязвил Борис. — А почему не четвертый? Или сразу сотый? Наблюдение за наблюдением в энной степени, круто же.

— Да мы и на третьем еще не освоились, — ответил Митя, — только-только почву нащупали.

— Какую, нахрен, почву?! — вспылил Борис. — Что за пургу ты несешь?! Наблюдение за рефлексией — откуда? Нельзя выйти за свои пределы! Это все равно, что пытаться поднять себя за волосы!

Митя довольно кивнул.

— В точку! Проблема Мюнхгаузена в том и состоит, что здесь сам исследующий субъект одновременно является и объектом своего исследования. Что порождает бесконечную рекурсию взаимовлияний, распутать которую практически невозможно.

— Зачем же тогда вы с этим паритесь, если результат недостижим? — спросил Борис, остывая.

— Так ведь мы и не собираемся распутывать эти узлы. Мы их рубим. Мы же практики, и берем лишь то, что можно использовать прямо сейчас. Весьма полезный навык — и ему, кстати, можно научиться. Скоро вы и сами в этом убедитесь.

13

В буфете института было немноголюдно. Учебный год закончился, почти все студенты разъеха-

лись, а сотрудники в столь ранний час, как правило, забегали ненадолго, чтобы перехватить что-то на ходу. Друзья, решившие подкрепиться основательно, заняли столик у стойки. Неспешно расправляясь с закусками, они наблюдали за этой суетой. Многие сотрудники знали Митю, подходили к их столику, подсаживались на пару минут — поздороваться и перекинуться несколькими словами. Митя коротко представлял подходивших.

— Николай. Зомби.

— Зомби? Это фамилия? — Оля удивленно подняла брови.

— Нет, конечно, — улыбнулся Николай, явно довольный произведенным эффектом, — это внутренний код. Проблемы, которыми занимается наш отдел, для краткости называют зомбированием, а нас, соответственно — зомби. Но это только название, мозги мы ни у кого не выедаем.

— Здорово, не придется прикидываться безмозглой дурочкой, — мгновенно отреагировала Оля.

Борис стиснул зубы — Николай был выше его на голову и явно нравился женщинам, а Олину наивность вполне можно было принять за флирт. Впрочем, Николай быстро допил свой кофе и убежал спасать мир то ли от перезомбирования, то ли от недозомбирования — Борис не собирался вдаваться в подробности.

Вслед за Николаем-зомби к ним подошли Костя-оборотень и Ира-невидимка — обычные с виду ребята. Но втянуть их в разговор не получилось, они были слишком заняты выяснением своих запутанных отношений. Затем подошла Вика-вампир — единственная, чей вид хоть в чем-то соответствовал внутреннему коду. Эффектная худоба и радикально черные волосы делали ее весьма привлекательной. Когда Вика уже исчезала в дверях, Борис случайно перехватил Митин взгляд, провожающий девушку.

— Ми-итя?! — удивленно протянул он.

— Ну подловил, подловил, — Митя, кажется, даже слегка смутился. — Я же говорил, ты быстро учишься.

Они уже собирались уходить, когда в дверях показался высокий мужчина лет тридцати. Митя вскочил и замахал рукой, приглашая его к столу.

— Это Матвей, мой куратор, — пояснил он.

— По Древним? — уточнил Борис.

— Не только. Теперь уже не только по Древним и не только мой. Теперь он и ваш куратор.

Матвей тем временем добрался до их столика и присел на свободный стул.

— Рад приветствовать, молодые люди! Не сомневался, что все у вас пройдет удачно.

— Похоже, никто не сомневался, — раздраженно буркнул Борис. — Кроме меня.

— Мы в вас верили! — радостно сообщил Матвей. — И Митя за вас поручился.

— Обязательно отблагодарю его при случае.

— Ну-ну, не стоит делать из этого трагедию. Все не так уж плохо. Отнеситесь к своей миссии как к интересному приключению, которое обогатит вас ценным опытом.

— Хватит пропаганды, — поморщился Борис, — все ведь уже решили за нас. Я только не понимаю — мы-то вам зачем? Мы же здесь совсем левые люди.

Матвей хитро улыбнулся.

— Я бы так не сказал. Ты ведь интересовался нашим институтом и даже пытался сюда поступить.

Борис почувствовал, как его щеки стали горячими — он должен был рассказать об этом Оле, но предпочел скрыть свой позорный провал. Она быстро взглянула на него, но промолчала. Матвей продолжал:

— И потом, Митя же все объяснил — ему нельзя работать в одиночку, на этот счет у нас есть строгий протокол.

— Да, но его-то зачем было привлекать? Он же обычный студент! Что, больше совсем некого?

— Не совсем обычный, он один из лучших, — ответил Матвей, и Митя буквально расцвел под его

взглядом. — Но по сути ты прав, работать сейчас действительно некому, все мобилизованы и призваны.

— Куда? На фронт?

— Можно и так сказать. Срочный заказ, форс-мажор.

— Это действительно так серьезно? — спросила Оля почти шепотом.

Матвей посмотрел на нее, и его напускная веселость исчезла.

— Да, к сожалению. Вы же видели последние статистические отчеты. Демографический всплеск в Азии ударил по всей мировой экономике, пришлось форсировать аграрную программу генной модификации. Все, конечно, многократно перепроверяется, и ни о каком вреде человеку не может быть и речи. Но... Как выяснилось, последняя модификация злаковых угнетает несколько видов кишечных бактерий, а они, в свою очередь, влияют на общий эмоциональный фон. Это нигде широко не обсуждалось, но было принято решение срочно исследовать всю внутрикишечную живность и составить карту ее корреляций с психическими состояниями. Работа архисрочная, и краев у нее не видно, поэтому всю текучку передали студентам. Надеюсь, ничего критичного мы не упустили.

— Ага! — прокомментировал Митя с заметным сарказмом. — «Ничего критичного»! От нас

ведь ждут только положительной оценки, разве не так?

— Не так, — возразил Матвей. — Положительной оценки ждут от меня. А мне вы будете докладывать все как есть.

14

В лаборатории, где они продолжили разговор, было светло и уютно. Солнечный свет пробивался в комнату сквозь листву кленов, окружавших здание; слабый ветерок из открытых окон приятно остужал тело. Борис понимал, что согласиться все равно придется, других вариантов нет, но из какого-то нелепого упрямства все тянул с окончательным ответом. Зато Оля, похоже, так и рвалась ввязаться в новую авантюру.

— А как будет называться наш проект? — спросила она. — У нас ведь тоже будет какой-то внутренний код?

Борис подумал, что ей уже не терпится примерить на себя новое именование, как недавно она примеряла перед зеркалом значок «ЗК».

— Близнецы, — ответил Матвей.

— Близнецы? — удивленно переспросила Оля и, повернувшись к Борису, радостно фыркнула: — Боб, мы с тобой теперь близнецы! Отныне и думать забудь об инцесте!

Обычно, когда она улыбалась, внутри у Бориса все таяло. Но в этот раз напряжение было слишком велико. Он едва сумел выдавить в ответ жалкую неубедительную улыбку.

— Значит, близнецы? — торжественно спросил Митя и положил руку на стол ладонью вверх.

— Близнецы! — с готовностью согласилась Оля и вложила в его ладонь свою ладошку.

Они выжидательно уставились на Бориса, и он остро осознал всю нелепость этой наигранной ситуации. Было в ней что-то книжное или киношное, какое-то незакрытое детское переживание; но это было так свойственно Оле, и именно это так нравилось ему в ней. Преодолев себя, он протянул руку и накрыл своей пятерней Олины пальцы.

— Близнецы!

— Вот и славно! — подытожил Матвей.

— Не уверен, — процедил Борис, убирая руку.

— Боб, ну что ты, как неродной! — обиженно протянула Оля.

Борис тяжело вздохнул — действительно, что уж теперь выделываться.

— Мне кажется, сейчас самое время перейти к сути, — сказал он.

— Давно пора! — поддержала его Оля.

Матвей с Митей переглянулись, и куратор чуть заметно кивнул — рассказывай ты. Митя слегка

подался вперед, поставил локти на стол и начал говорить. Его рассказ был сухим изложением фактов и напоминал ответ на экзамене по истории, вот только история эта была не совсем обычной.

— Восемь лет назад в одном из интернатов был поставлен долгосрочный эксперимент. Для него были отобраны дети, максимально схожие по всем психическим характеристикам. Идеальная группа одного психотипа. Воспитывали и обучали их по особой методике. То есть не просто поощрялось желательное поведение и осуждалось нежелательное, но по возможности блокировалась сама возможность любой реакции, отличной от ожидаемой. Для детей создавались условия, когда любое их значимое действие было предсказуемым — и они всегда оправдывали все ожидания. Через четыре года они завершат школьную программу, после чего их планируют распределить по институтам для дальнейшего обучения. Наша задача — пожить рядом с ними, присмотреться, провести стандартные циклы тестов и доложить о результатах. Интересует главным образом их готовность интегрироваться в социум. И прогноз по их дальнейшей судьбе.

Митя перевел взгляд на Матвея и закончил уже с нескрываемым сарказмом:

— Причем ждут от нас, как я понял, исключительно положительных результатов и позитивных

прогнозов. Потому что скорое изменение образовательных методик — дело уже почти решенное.

— Но это же... зверство! — вырвалось у Бориса.

Слово было выбрано неудачно, но ничего другого просто не пришло на ум.

— Так же нельзя, они ведь живые люди!

— Все вопросы к нему, — Митя раздраженно кивнул на Матвея. — Если хотите, он может рассказать вам про другое время и особую ситуацию. А нам придется принять все как данность и работать с тем, что есть.

— Митя, тебе что-то здесь не нравится? — осторожно спросила Оля.

— Да мне все здесь не нравится! — от избытка чувств Митя даже стукнул ладонью по столу. — Все, от начала до конца! Какие-то подонки создали пробную партию искалеченных людей, а теперь еще и собираются штамповать их конвейерным способом!

— Вот и напиши все это в своем отчете, — перебил его Матвей. — Никакого решения ведь пока нет.

— Это лишь формальность! — отмахнулся Митя. — И потом... Наше общество наконец-то достигло хрупкого равновесия между умеренной слежкой и воздержанием от зла. Флуктуации в обе стороны незначительны. Но эти дети изначально воспитывались в очень жестких условиях. Если

кто-то из них все же научился шифроваться, из него может вырасти настоящий монстр. Выпустить такого в наш мир — все равно что хорька пустить в курятник; против него будут бессильны все системы слежения и прогнозирования.

15

Борис подумал, что Митя, возможно, сильно преувеличивает гипотетическую опасность. Или преувеличивает — или чего-то не договаривает. Осторожно подбирая слова, он спросил:

— Митя, у тебя есть основания считать, что кто-то из них шифруется?

— Нет, прямых указаний на это не было. Но в последний год было несколько инцидентов, не укладывающихся в прогнозы.

— Например?

— Например, драка между мальчиками.

— Разве это так необычно? — спросила Оля.

— С легкими телесными, — пояснил Митя. — Минус два зуба.

— Сразу два?! — поразилась Оля.

— Два. Причем коренных. Правые верхние, четверка и пятерка.

— Да не может быть! — не поверил Борис. — Какой же силы должен быть удар? Все это как-то странно.

— Странно, что так легко отделался, — возразил Митя, — все могло закончиться куда хуже.

— В смысле?

— Наш драчун, Марат, в раннем детстве потерял левую руку. Несчастный случай. Сейчас у него механический протез, «умная рука». Это целый интеллектуальный комплекс с продвинутой системой защит, он вообще не должен был допустить удара в лицо. Но если все же допустил, если произошел какой-то невероятный сбой — чудо, что не раскрошил челюсть в труху. Мощи у него хватило бы с избытком.

На какое-то время воцарилась тишина; все молчали, переваривая услышанное. Наконец Оля спросила:

— Что значит — «умная рука»?

— При протезировании никогда не получается восстановить утраченные функции в полном объеме, — пояснил Митя, — но степень управляемости может быть разной. Это зависит от того, сколько нервных волокон удается подключить к системе. Чем меньше управляемость, тем «умнее» должен быть протез.

— А у Марата? — спросил Борис.

— Как раз у Марата управляемость оставляет желать лучшего. Он задает лишь интенцию, а почти все функции координации берет на себя техни-

ка. То есть Марат может лишь потянуться к чашке — а система должна отметить направление движения, включить сенсоры, опознать предмет как чашку, понять, что чашку надо взять за ручку и нести ровно, чтоб ничего не расплескать. Затем Марат тянет руку на себя — и система понимает, что надо поднести чашку к губам и наклонить, чтобы можно было сделать глоток. Если защита определит температуру как безопасную.

— Все так плохо? — спросила Оля.

— На самом деле у Марата управляемость еще не самая низкая. Но в общих чертах все именно так и работает.

— И что же случилось с системой защиты? — спросил Борис.

— Именно это нам и предстоит узнать. У меня есть несколько версий, но не хочу озвучивать их раньше времени.

Что это за версии, никто не спросил. Бориса сейчас больше интересовало другое.

— Ладно, — сказал он, — с тобой все ясно, тебя только пусти в огород. А чего кураторы ждут от нас? Провести опросы, отделить правду от лжи и принести результаты на блюдечке? И ради этого стоит куда-то ехать?

— Даже не так, — ответил Матвей. — Отделять правду от лжи не придется, близнецы просто не могут лгать. В крайнем случае близнец откажется отвечать, но тогда его ответ будет очевиден. Если же, как подозревает Митя, кто-то из них шифруется, ни один наш тест это не определит.

— А на черта тогда срываться с места? Провели бы свои опросы дистанционно, в чем проблема? И главное — нас-то зачем сняли с рейса? Мы здесь нужны, как собаке пятая нога!

Матвей покачал головой.

— Ошибаешься. Нужны, Боря, еще как нужны. С этими близнецами не все так просто. Марат правша; об этом ты и сам мог бы догадаться. То есть даже если предположить невероятное — что Марат захотел ударить друга, он ударил бы его правой. Я подозреваю, что протез взломали, и скорее всего, сделал это кто-то из близнецов.

— Ерунда! Взломать протез невозможно! — возразил Борис.

— Вот это ты и проверишь. Приедешь на место, подключишься, скачаешь логи и разберешься в них. А потом доложишь, что же там произошло на самом деле. Митя будет наблюдать за мальчиками, Оля за девочками, а ты займешься софтом. И учти — твой доклад я жду первым.

Борис упрямо набычился:

— Но я ведь еще даже не согласился.

— Так соглашайся! — вмешался Митя.

Борис нашел под столом Олину руку и сжал ее.

— У меня условие — мы с Олей будем жить в одной комнате. Это не обсуждается!

— Разумеется, — ответил Матвей. — А как же иначе?

16

Интернат «Сосновый бор» вполне оправдывал свое название — он действительно располагался в живописном сосняке на берегу озера. Место Борису сразу понравилось. Он любил эти насквозь пронизываемые солнцем леса, запах хвои и нагретой смолы, неброскую красоту цветущего вереска. Оля тоже не выглядела расстроенной; похоже, она считала эту поездку интересным приключением.

Краткий инструктаж для них Митя провел еще в машине. На взгляд Бориса, пожалуй, даже слишком краткий. То, что Митя предпочел не вдаваться в его область, было весьма разумно; а вот Олю он мог бы проинструктировать и подробнее. Но возможно, у него самого не было четкого плана действий — все зависело от той информации, которую удастся извлечь из логов. А значит, к их анализу надо было приступать как можно быстрее.

С этого они и начали. Получив доступ к базам интерната, Борис нашел тестовые утилиты для «умной руки» и пароль для контрольного входа.

Установил дистанционное подключение, вошел в систему, открыл папку с логами. Он настроился на долгую и кропотливую работу, но этого не потребовалось — логи были затерты. Не все, конечно — оказалось, что система контроля настроена на ежедневное обновление, и каждые сутки новый файл записывается на место предыдущего. Восстановить события месячной давности было нереально. Борис был уверен, что такое просто невозможно — протез этого класса считался устройством повышенной опасности, а в них логи сохранялись в любом случае. То, что он видел, больше всего походило на заметание следов несанкционированного вмешательства.

— Что будем делать? — спросил Митя.

— Не знаю. Надо проконсультироваться с производителем, — ответил Борис.

— Хорошо, сейчас соединю с сервисом.

— Не надо, — прервал его Борис, — сервис тут не поможет. Я должен поговорить непосредственно с разработчиками.

Выйти на разработчиков оказалось не так просто, пришлось привлекать Матвея. После чего дело сдвинулось, наконец, с мертвой точки, и уже через час Борису позвонили из службы программного обеспечения «Биотроникса». На экране появился белобрысый парень спортивного вида.

— Валерий Изотов, — представился он. — Добрый день! У вас, как я понял, «умная рука» с автономной координацией.

— Совершенно верно, — подтвердил Борис.

— И какие с ней проблемы?

— Взлом, — коротко ответил Митя.

Валерий посмотрел на него с видом человека, которого отвлекают от серьезной работы дурацкими вопросами.

— Исключено. Комплекс управления движением изолирован, а это означает...

— Телесные средней тяжести, — перебил его Борис, — большая потеря крови. И стертые логи.

— Что?! — не поверил Валерий. — Что с логами?

— Хранятся сутки и перезаписываются.

Валерий посмотрел на Бориса с явным недоверием.

— В наших настройках такого режима нет. Вот что, мне нужно посмотреть конфигурационные файлы, и исполняемые тоже... Я пришлю пароль суперпользователя на ваш экземпляр и скрипт, который соберет всю нужную мне информацию. Не отключайтесь.

И пароль, и скрипт нашлись сразу — к нештатным ситуациям в «Биотрониксе» подготовились заранее. Борис закрыл контрольную сессию, открыл суперпользовательскую, запустил скрипт и пересылал созданный отчет. Валерий распаковал архив и несколько минут молча изучал его содержимое.

— Беру тайм-аут, — сказал он, наконец. — Нам надо тщательно все изучить. Сейчас могу сказать только, что взлом действительно был. Хеши не совпадают. Кто-то здесь поработал, несомненно. Но насколько эффективным и целенаправленным было проникновение, я смогу сказать в лучшем случае завтра.

— Подожди! — остановил его Митя. — Если кто-то изменил настройки, значит, он сумел взломать и суперпользовательский пароль?

Валерий отрицательно покачал головой.

— Настройки можно менять лишь в допустимых пределах. У вас кто-то залез в исполняемый файл, и поверьте, это гораздо серьезнее. А насчет паролей не беспокойтесь, их взломать нельзя.

— Про свой комплекс ты только что говорил то же самое, — напомнил Митя.

— У паролей совсем другая защита — ограничение по вводу. Предельно просто, и никакой возможности обхода. Если пользователю вдруг потребуется пароль для изменения настроек, он посылает нам запрос. Сейчас посмотрю... Да, для вашего экземпляра пароль запрашивали дважды — месяц назад и полгода назад.

Митя резко подался вперед.

— Кто запрашивал?!

Валерий вновь взглянул на соседний экран.

— Странно, два запроса от одного и того же человека. Он что, его потерял? Не понимаю, как можно потерять пароль — не на бумажке же он его записывал, в самом деле.

— Кто запрашивал? — терпеливо переспросил Митя.

— Марков Семен Петрович. Директор интерната «Сосновый бор».

17

Сеанс связи закончился, и друзья переглянулись, как будто договариваясь, кто выскажется первым.

— Ну вот, у нас появился подозреваемый, — начал Митя.

Эта версия явно ему нравилась, по сравнению с «хорьком в курятнике» она выглядела почти безобидной. Борису тоже хотелось бы в это поверить, но такое предположение казалось ему маловероятным.

— Вряд ли это Марков, — сказал он.

— Почему? — живо поинтересовался Митя.

— Ребята! — вмешалась Оля. — Вы не о том думаете! Если эта железка взломана, она ведь опасна. Нам надо срочно ее отключить.

— Сейчас протез не опасен, — успокоил ее Борис, — я проверил, мощность и скорость у него выведены почти на минимум. И я уверен, что именно для этого Марков запрашивал пароль месяц назад.

— А в первый раз? — спросил Митя.

— А в первый раз кто-то просто послал запрос с его адреса. Думаю, взломать почту способен любой близнец, это тебе не сертифицированная защита «Биотроникса».

— Звучит убедительно, — нехотя согласился Митя, — но из списка подозреваемых я его пока не вычеркиваю.

— То есть, — подытожила Оля, — мы опять вернулись к началу. Когда подозреваются все. Десять работников интерната и двадцать восемь близнецов — пятнадцать мальчиков и тринадцать девочек. Тридцать восемь из тридцати восьми.

— Трое работников, — поправил ее Митя. — Для взлома столь сложного комплекса и подготовка требуется соответствующая. Я узнавал, более-менее приемлемый уровень есть лишь у троих — Маркова, Осипова и Демидовой. Остальных можно смело вычеркивать.

— А уровень близнецов кто-нибудь проверял? — спросила Оля.

— Результаты есть в базе, — ответил Митя, — но вряд ли им можно доверять. Подготовка у всех

была вполне профессиональной, а вот способности... Если «хорек» среди них, то он шифруется. И никогда не попадется на простом тесте.

— Понятно, что все непонятно, — сказал Борис, — но нам-то что теперь делать?

Митя повернулся к нему.

— Тебе — продолжать работу с софтом, благо в системе ты теперь суперпользователь. Посмотри, какие файлы собирает изотовский скрипт, какие у них даты последней правки. Может быть, найдешь какие-то бэкапы, при редактировании конфигурационных файлов предыдущий вариант обычно сохраняется. Тогда можно будет узнать, что же там поменялось. В общем, попробуй разобраться, не мне тебя учить. И будь на связи с «Биотрониксом», они обещали сообщить, что накопают.

— А мне что делать? — спросила Оля.

— А мы будем наблюдать. Пока просто наблюдать, не вступая в контакт. Ты за девочками, я за мальчиками. Возьмем записи камер наблюдения на уроках и переменах и будем просматривать их на ускоренной перемотке. От сегодняшнего дня и дальше в прошлое. Искать конфликтные ситуации.

Оля поджала губы; видно было, что такой вариант ей совсем не нравится.

— У тебя есть какая-то рабочая модель? — спросила она.

— Только самая примитивная. Не важно, разные дети или похожие — в итоге они все равно образуют группу со стандартной иерархией. С альфами, бетами, омегами и всеми остальными, кто посередине — по нашему любимому Гауссу. Вот такую классификацию нам и предстоит провести для начала. Если я прав, нашего «хорька» надо искать или среди альф, или среди омег.

— А если не прав? — спросил Борис.

— Тогда, скорее всего, мы его никогда не найдем. И никто его не найдет. Но давайте все же надеяться на лучшее.

18

Изотов связался с ними на следующий день. По сравнению с прошлым разом выглядел он неважно.

— Вы были правы, это целенаправленный взлом. Ваш хакер сумел найти уязвимость в системе, о которой мы и не подозревали. Хотя у нас целый отдел над этим работает. Сегодня мы закрыли эту лазейку и разослали патч с обновлением — проследите, чтобы система проапгрейдилась.

Он замялся и несколько секунд разглядывал свои пальцы. Потом поднял глаза и продолжил:

— Вы, наверное, знаете, что все хакеры такого уровня ставятся на учет в Комитете. А ваш к тому же взломал устройство повышенной опасности. С де-

структивной целью, угрожающей жизни. Так что он по всем пунктам их клиент. Вы его уже нашли?

— Мы уже вышли на след, — бодро соврал Митя. — Через два-три дня у нас будут неопровержимые доказательства.

— То есть вы сами сообщите о нем в Комитет? — спросил Валерий с заметным облегчением.

Его можно было понять; сдавать хакера — не тот подвиг, которым стоит гордиться. Переложить эту обязанность на другого и забыть — естественное желание лояльного сотрудника «Биотроникса».

— Сообщим, — успокоил его Митя, — как только, так сразу. Спасибо за все.

Окно связи закрылось, и Борис спросил:

— Зачем ты ему соврал?

— Если дойдет до Комитета, нас отсюда мигом турнут. А мы еще только начали.

— Мы еще и не начинали, — мрачно поправил Борис.

Его напрягало, что Митя так легко подписал их на не самое красивое дело. И он не мог понять — с какой целью.

— Митя, а мы что, совершаем сейчас какое-то должностное преступление? — спросила Оля, заговорщицки понизив голос.

— Конечно, — в тон ей ответил Митя, — тебе же обещали интересное приключение.

Особого приключения Борис здесь не видел, но и не расстраивался по этому поводу. Так хорошо, как в эти дни, ему еще никогда не было. Лучше было только в эти ночи. Митя, разумеется, прекрасно все понимал — и знал, что никуда они теперь не денутся.

— Ладно, вернемся к нашим близнецам, — обратился Борис к Мите. — У тебя есть версии по мотивации?

— Восстановление справедливости, — ответил тот без запинки. — Думаю, в классе систематически подтрунивали над омегой, и кто-то решил исправить положение. Но не рассчитал силу удара. Именно поэтому мы здесь — если бы расчет был точнее, никто ни о чем бы и не узнал.

— То есть подозреваются все, кроме избитого мальчика?

— Все, кто хотя бы предположительно мог работать на таком уровне. Трое сотрудников и двадцать семь близнецов.

— А почему ты исключаешь их друзей — например, из школы в соседнем поселке? Разве их не могла задеть такая несправедливость?

Ответ Борис знал — потому что у них нет должной подготовки. Спросил просто для порядка. Но к его удивлению, Митя сказал совсем другое.

— У близнецов нет друзей. В реале за пределами интерната они ни с кем не общались.

— Как?! — изумилась Оля. — Как такое могло быть?!

Митя пожал плечами.

— Я же говорил, что это был очень негуманный опыт. С близнецами поступили крайне жестоко; их, по сути, лишили нормальной социальной жизни, подсунув взамен тестовый суррогат. Думаете, почему мы здесь оказались? Просто никто больше не захотел с этим связываться. У всех в глубине сознания вертится: «с ними поступили несправедливо, и они имеют право на месть». Кто же захочет добровольно принять эту адскую смесь стыда, вины и страха?

— А ты, значит, захотел? — спросил Борис.

— Мне стало их жалко, — ответил Митя.

19

Известие о принципиальной закрытости группы поразило Олю; она и представить не могла, что такое возможно. Одно дело — обсуждать подобные варианты в качестве умозрительной абстрактной модели, не имеющей отношения к реальности. И совсем другое — сознательно вогнать в рамки такой модели двадцать восемь живых детей. Это ставило под сомнение всю картину мира, который всегда казался ей таким дружественным. Как будто под мягким ковром обыденности вдруг шевельнулось что-то огромное и безжалостное.

— Но они же подростки, — растерянно сказала она, — у них же гормоны. А получается, что все их юношеские влюбленности должны замкнуться внутри одной маленькой группы?

— Хуже! — ответил Борис. — Ты забыла, что их отбирали по одному психотипу. То есть уже сейчас нескольким мальчикам нравится одна девочка, а нескольким девочкам — один мальчик.

Они посмотрели на Митю, ожидая реакции. Вернее, Борис ожидал подтверждения — первые же часы наблюдения за близнецами убедили его, что он прав. Митя неохотно оторвал взгляд от экрана.

— На самом деле все еще хуже. То есть формально мы можем сказать, что в классе есть Марина, на которую заглядываются мальчики, и Ваня, на которого заглядываются девочки. Для нас это норма. А вот влюбленность, например, в популярного киноактера — уже нет. Но этих детей воспитывали иначе, для них интернат — родная семья. Любое сексуальное влечение внутри этих стен для них всегда будет нагружено инцестуозностью. И, соответственно, виной. Возможно, в их представлении влюбиться в виртуальный инет-образ как раз вполне нормально, а в одноклассницу, с которой когда-то сидели на соседних горшках — уже не вполне. Но само влечение при этом, естественно, никуда не девается, так что можете себе представить...

— Они действительно сидели рядом на горшках? — перебила Оля.

— В фигуральном смысле, — поправился Митя. — Группу собрали, когда детям было по пять-шесть лет. Но принцип вы поняли.

— Но это же... преступление, — тихо сказала Оля, — за это судить надо. Кто же посмел принять такое решение?

— Те, кто решал тогда, решают и сейчас, — резко ответил Митя. — И если вы не поняли, они уже планируют переход на раздельное обучение. Сортируя детей по психотипам.

— Если мы дадим положительный отзыв об интернате? — уточнил Борис.

— Да, если дадим положительный, его учтут, — подтвердил Митя.

— А мы его дадим? — спросила Оля.

— У нас пока никакого нет, — отрезал Митя. — Давайте работать.

Все надели наушники и уткнулись в мониторы. Наступила тишина, изредка прерываемая клацаньем клавиш при смене обзорной камеры или скорости перемотки. Впереди ждал гигантский объем работы — предстояло пропустить через себя огромное количество избыточной информации, чтобы выделить немногое нужное. Но сделать это было необходимо, программы с такими задачами не справлялись.

Через несколько дней общая картина стала ясна, социальная карта группы составлена. Митя еще раз сверил полученные результаты и негромко кашлянул, привлекая внимание.

— Ну-с, коллеги, похоже, нам пора переходить к близким контактам. С кого предлагаете начать?

— Может, с учителей? — предложила Оля.

Митя посмотрел на Бориса:

— Твое мнение?

Борис отрицательно покачал головой.

— Не думаю. У двоих уровень немногим выше среднего, да и третий вряд ли потянул бы. Наш хакер определенно среди близнецов. Предлагаю начать с Марата.

— С Киборга, значит, — задумчиво начал Митя, но Оля перебила его.

— Кончай обзывать детей! Меня от твоего «хорька» уже передергивает! У Марата, между прочим, имя есть; какой он тебе Киборг!

— В классе есть тезки, просто они пока не попали в зону нашего внимания, — спокойно ответил Митя, — но в любой момент могут попасть. В разработке лучше применять кодовые имена, которые точно не пересекутся; это общая практика. Так что пусть уж Марат у нас будет Киборгом, Ваня — Королем, Марина — Королевой, и дальше по списку.

Он остановился, ожидая возражений. Все молчали. Митя выждал еще несколько секунд и продолжил:

— Можно, конечно, начать с Киборга... Но хочу сразу предупредить — это точно не он.

— Почему? — спросил Борис.

— Его уже опрашивали после инцидента, и он не признался. А близнецы, как вам известно, не умеют врать.

— Так какого черта тогда мы занимались этой дурацкой классификацией?! — Борис мотнул головой в сторону экрана с социальной схемой группы. — Если можно просто задать каждому из близнецов прямой вопрос.

— Их опросили еще на первой проверке, — ответил Митя, — но, к сожалению, безрезультатно. Близнец не способен лгать, если ложь может дать ему какие-то преимущества или каким-то образом выгородить его. Но защищая товарища, он вполне может и соврать; другое дело, что это сразу становится заметно — по соматическим реакциям. На это проверяющие и рассчитывали; они не могли предположить, что все двадцать семь воспитанников выдадут сходные соматические реакции. Возможно, соврали все — а по каким причинам, нам и предстоит выяснить.

— Тогда не понял про Киборга, — сказал Борис.

— Взлом «умной руки» только для него мог быть эгоистичной целью, — пояснил Митя, — а для любого из его одноклассников это действие в интересах друга. То есть соврать мог любой, кроме него. Хакер не он.

Борис согласно кивнул.

— Все равно, давайте начнем с него. Если остальные в этом отношении для нас неразличимы, начнем с того, кто выделяется.

20

На следующий день за завтраком Марков представил друзей воспитанникам, объявив, что комиссия из «Биотроникса» намерена закрыть наконец дело о программном сбое в своем изделии. Он призвал близнецов помогать работе комиссии и подробно отвечать на все вопросы. Митя подошел к Киборгу и пригласил его в кабинет при серверной, превращенный друзьями во временную штаб-квартиру. Разумеется, приглашение Марата не обрадовало, но он понимал, что отвертеться все равно не удастся. В назначенный час он появился в штаб-квартире, всем своим видом показывая, как достали его эти бесконечные вопросы.

— Что еще вы хотите узнать? Я ведь уже все рассказал, и не один раз!

— Марат, успокойся, пожалуйста, — Митя пододвинул ему кресло и вернулся на свое место. — Мы здесь как раз для того, чтобы закрыть дело. После этого никто больше не будет тебя беспокоить.

Марат вжался в кресло, напряженно сцепив пальцы и разглядывая это переплетение кожи и пластика.

— Тебя никто ни в чем не обвиняет, — продолжал Митя. — Наши кодеры уже нашли программный баг, ответственный за сбой, исправили его и разослали обновления всем пользователям. Осталось только уточнить некоторые подробности, и на этом закончить.

— Что вас интересует? — спросил Марат, все так же глядя на свои руки.

— Твои интенции. Что ты чувствовал перед ударом и во время удара? Пытался ли остановить руку? Проще говоря, все произошло помимо твоей воли или против твоей воли?

Лицо Марата скривилось в недовольной гримасе.

— Вы же читали отчеты! Я уже сто раз объяснял, что ничего не мог сделать! Все произошло так внезапно, я даже не успел ничего понять. Если бы я мог, то, конечно, попытался бы остановить удар. Но рывок оказался слишком неожиданным.

— Ты не чувствуешь эту руку частью себя? — быстро спросил Митя.

— Чувствую, конечно. Это был просто сбой — как нервный тик, непроизвольное сокращение мышц, что-то в этом роде. Я уже обо всем рассказал месяц назад, вы же прочитали протокол! Зачем вы снова об этом спрашиваете?

Он был прав, его ответы совпадали с записанными в протоколе. Но отвечая, Марат напрягся и слегка замешкался. Этого оказалось достаточно, чтобы Митя тут же вцепился в него мертвой хваткой.

— Да, мы читали отчет. Но тогда тебя спрашивали только о самом ударе. Расскажи, пожалуйста, как можно подробнее, что было сразу после него.

Марат напрягся и задеревенел, его лицо застыло и покраснело. Вопрос был непосредственно про него; соврать он не мог, а правду говорить не хотел. Он заговорил через силу, с трудом выдавливая из себя слова.

— Когда Никита упал, все подбежали к нему. А Коля бросился ко мне. Он поднял руку...

— Замахнулся? — уточнил Борис.

Марат покраснел еще сильнее.

— Поднял руку. Наверное, просто хотел меня остановить. Тогда моя рука схватила его за запястье и сжала. Это тоже произошло помимо моей воли, и так быстро, что я не успел ничего понять.

Митя подался вперед.

— Как долго ты сжимал его руку?

— Не знаю. Секунд... двадцать, наверное.

— И?

Глаза Марата предательски заблестели.

— Я правда пытался его отпустить! Изо всех сил! Но я уже не управлял своей рукой!

— То есть устройство действовало против твоей воли, выраженной ясно и недвусмысленно? — спросил Митя.

— Да.

— А почему же ты не рассказал об этом на первом опросе?

— Я боялся! Боялся, что меня заберут отсюда... Будут изучать... К тому же ничего страшного ведь не произошло, всего лишь маленький синяк на запястье. И Коля на меня давно не в обиде.

— Коля Шаталов? — уточнил Митя.

— Да.

Рука Мити скользнула над клавиатурой, и на экранах у Бориса и Оли появились слова «Дон Жуан».

— Дон Жуан? — встрепенулся Марат. — Тяжело пожатье каменной десницы?

Митя смутился.

— Извини, дурацкая привычка с детства. Не обращай внимания. Скажи, ты помнишь, кто не подошел к Никите, когда он упал? Кто остался в стороне?

— Не помню, — ответил Марат, на этот раз уже без всякого напряжения.

— Ну, ладно. Спасибо тебе, ты нам очень помог.

Марат вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Митя посмотрел на друзей:

— Следующий — Дон Жуан?

— Хорошо, — согласился Борис и, повернувшись к Оле, спросил: — А ты что скажешь?

— Я и не подозревала, что слепую скоростную печать кто-то может считывать прямо с пальцев. Мне кажется, мы еще слишком многого не знаем об этих детях.

21

Митя вскочил с кресла и навис над столом, упершись в него ладонями.

— Вот! А о чем я тебе все время говорю — это отнюдь не обычные дети!

— Ты во всем хочешь видеть угрозу, — укоризненно сказала Оля. — И все же они действительно необычные. Я все понимаю — и про взлом, и про хеши, и про перехват управления. Но как кто-то смог управлять «умной рукой»?

— Это как раз просто, — ответил Борис. — Связаться с протезом можно по любой беспроводке. У него несколько таких каналов, просто они если и открыты, то только на считывание. Как именно их

взломали, мы не знаем, все логи потерты. Но проблем с каналом у хакера не было.

— Я не о том, — отмахнулась Оля. — Как он смог управлять «умной рукой» так точно? Насколько я знаю, владельцы протезов проходят специальный тренинг, привыкая к новой конечности. А тут пришел, увидел, победил. Тебе это не кажется странным?

— Во-первых, я не сказал бы, что очень точно. Было бы точно — не было бы выбитых зубов, да и нас бы тоже тут не было. А про управление — там же требовалось задать только интенцию, все остальное система просчитывала сама. Если бы наш хакер не снял все системные ограничения, никто бы и не догадался, что «умная рука» взломана.

— То есть в первом эпизоде он просто не рассчитал усилие, а во втором уже скорректировал его? — спросила Оля.

— Думаю, да, — ответил Борис.

— А может, наоборот, все просчитал предельно точно, — вмешался Митя. — Мне кажется, наш «хорек» слишком умен для столь грубых ошибок.

Борис удивленно посмотрел на него.

— Но зачем? Привлечь к себе ненужное внимание, вызвать комиссию из города, инициировать расследование в «Биотрониксе» — зачем ему это?

Митя развел руками:

— Пока я не знаю ответа на этот вопрос.

— Как и всего остального, — сказал Борис.

— Ну почему? — оживился Митя. — Сегодня мы узнали чрезвычайно важную деталь — что был не один перехват управления, а два последовательных. В протоколах ничего подобного нет. Кстати, какие у вас мысли по этому поводу?

— Колю и Никиту можно исключить из числа подозреваемых? — предположила Оля.

— Согласен. И Дон Жуана, и Щелкунчика. А еще?

— Всех, кто подбежал к упавшему — тоже, — сказал Борис.

— Верно! Судя по видеозаписи — минус еще шесть человек.

Борис усмехнулся; он не мог понять Митиного возбуждения.

— Не думаю, что это сильно облегчит нам задачу.

— А это с какой стороны посмотреть! — возразил Митя. — Ты вспомни, кто помогал Щелкунчику встать. Альфы и беты! То есть сейчас мы исключили из рассмотрения всех подозреваемых с этой стороны гауссианы.

— Ты хочешь сказать, что теперь омеги — наши главные подозреваемые? — спросила Оля.

— Именно! Это упрощает поиск, но понижает шансы на успех.

— Почему? — спросил Борис.

— В наше время суперхакер должен быть альфой. В норме. А если нет — значит, ситуация ненормальная, и ждать от нее можно чего угодно. Если бы наш «хорек» был альфой, мы бы его обязательно нашли. Но теперь — не факт, что мы сможем выполнить задание.

— Как-то неубедительно, — с сомнением произнес Борис. — Но, как я понимаю, других идей у нас все равно нет. Значит, будем вызывать омег?

— Нет, — ответил Митя, — мы будем работать по старому плану. Начнем с Дон Жуана, Щелкунчика, Короля, Королевы и всех тех, кто помогал Щелкунчику встать.

— Зачем? — не понял Борис. — Мы ведь уже знаем, что они тут ни при чем.

— Мы опросим всех, — пояснил Митя, — и главных подозреваемых — последними. К этому моменту нам надо собрать максимум информации об инциденте.

Борис хотел было возразить, но вмешалась Оля.

— Боб, Митя прав. Нам нужно поговорить со всеми близнецами. Что-то с ними не так.

22

Утро принесло неожиданные новости — информация о взломе топового продукта «Биотроникс» просочилась в сеть. И что хуже всего — в общий

доступ были слиты все переговоры с разработчиками программного обеспечения. Матвей связался с друзьями еще до того, как об этом заговорили во всех лентах; по его лицу было видно, как тяжело далось ему сегодняшнее утро. Он кратко поздоровался с Олей и Борисом и тут же словно забыл об их существовании; зато на Митю набросился сразу, без обычного обмена любезностями.

— Ты хотя бы отдаленно представляешь, что натворил?! Почему ты не воспользовался закрытым каналом?

— Они же сами с нами связались, — растерянно ответил Митя. — Я только принял вызов.

— Они вообще не знали, о чем речь; думали, что нужна обычная консультация для тупого чиновника. Но ты-то вполне осознавал серьезность проблемы! Ты должен был сразу потребовать перехода на закрытый канал.

— Но нам и нужна была обычная консультация, — попытался оправдаться Митя, — квалифицированные ответы на технические вопросы...

— «Обычная консультация»! — передразнил его Матвей. — «По техническим вопросам»! А кто по открытому каналу прямым текстом вопил о восстании роботов? Механическая рука вышла из повиновения и калечит всех подряд! «Телесные средней тяжести», «большая потеря крови»! Что это за

клоунада? Какая средняя тяжесть?! Кто истек кровью?! Вы там что, под веществами?!

Борис кашлянул, привлекая внимание.

— Это я сказал. Преувеличил, чтобы сразу перенастроить специалиста. Он не верил, что «умную руку» можно хакнуть.

Матвей перевел взгляд на него.

— Молодец, перенастроил. И всех сетевых леммингов вместе с ним. Они уже требуют немедленного суда над детоубийцами из «Биотроникса». Доволен?

— Кто же мог подумать, что кого-то заинтересует штатная техническая консультация, — снова начал Митя, но Матвей перебил его.

— А надо было думать! Головой! Вы ведь уже поняли, что тут работал хакер очень высокого уровня. Вероятность того, что он мог допустить столь грубый баг при расчете усилия, практически нулевая. Значит, сознательно хотел привлечь внимание к взлому. А потом лег на дно и затаился, сканируя весь шум вокруг инцидента. Но вы дали ему куда больше, чем он ожидал. «Телесные повреждения», «потеря крови» — на такое он вряд ли рассчитывал.

Митя, наконец, стряхнул с себя оцепенение.

— Надо выяснить, кому выгодно падение рейтингов «Биотроникса»! Посмотреть, чем закончится скандал и кто в итоге от этого выиграет. Я готов заняться этим прямо сейчас!

— Ат-ставить! — нараспев произнес Матвей. — Весь инет и так уже в курсе, что комиссия «вышла на след» и имеет «неопровержимые доказательства». Хватит самодеятельности, успокойтесь. Не лезьте в это дело, мы им уже занимаемся. Ваша задача — близнецы. Продолжайте работу и постарайтесь больше так не косячить.

— Зачем? — спросил Митя. — Теперь-то мы можем быть уверены, что хакер не из интерната. Какие у близнецов могут быть претензии к «Биотрониксу»?

Матвей покачал головой.

— Ты не прав. Скорее всего, хакер все же ваш клиент. Близнецов воспитывают в строгой изоляции, и это постоянно отслеживается. Посторонних на территории интерната практически не бывает. А «умной рукой» управляли по беспроводке с ограниченным радиусом действия. Так что, видимо, это все же кто-то из своих.

— Но зачем это близнецам? — снова спросил Митя.

— Вот это вы и должны выяснить, — ответил Матвей.

Он сделал паузу и, не дождавшись ответа, продолжил:

— Если нет вопросов, у меня всё.

Матвей потянулся к пульту, но Митя остановил его.

— Есть вопросы! И претензии есть. От нас скрыли важную информацию о близнецах, возможно критичную. Нам приходится работать вслепую...

— Что вы хотите узнать? — перебил его Матвей.

— Кто конкретно принял решение об этом эксперименте.

Матвей удивленно поднял брови.

— Это закрытая информация, у вас нет допуска к ней. Ты же не первый год в институте, сам должен понимать.

— Ты не можешь сказать или не знаешь? — уточнил Митя.

Матвей ответил не сразу.

— Решение принималось коллегиально, там было человек десять, может больше. Я знаю двоих, и еще про двоих могу предположить с большой вероятностью.

— Но нам их не назовешь? — спросил Митя.

— Но вам их не назову, — подтвердил Матвей.

— Скажи хотя бы — кто-то из этих четверых может быть как-то связан с «Биотрониксом»?

— Без комментариев, — ответил Матвей и отключился.

23

Изобразив на лице притворный ужас, Митя развел руками.

— И как можно работать в таких условиях?

Оля посмотрела на него с удивлением.

— Ты действительно считаешь, что информация об организаторах эксперимента может как-то нам помочь?

— Я считаю, что информации надо собрать как можно больше. Потому что мы пока еще не знаем, что именно может нам пригодиться. Но если при этом какие-то сведения от нас скрывают, я буду считать их особо важными. Уже по одному факту сокрытия.

— И что из этого следует? — вмешался Борис.

Митя посмотрел на него долгим взглядом.

— Боб, попробуй нарыть в сети что-нибудь про «Биотроникс». И особенно про их «умные протезы». Сегодняшний шум можно отсечь, достаточно бегло просмотреть топы. А вот в старых кэшах поройся, там может сохраниться что-то интересное.

— Что конкретно надо искать? — спросил Борис.

— Пролистай весь бэкграунд — кто бенефициары, с кем конфликтуют, кому, может быть, дорогу перешли. Но главное — этические нарушения.

Если найдешь что-то подобное, сразу почувствуешь — это оно самое.

— Не самый четкий критерий, — недовольно пробурчал Борис.

Митя вновь развел руками.

— Ну извини, другого у меня нет.

— А ты что будешь делать?

— А мы с Олей будем вызывать близнецов и продолжим дозволенные речи.

Оля посмотрела на Бориса, как будто собираясь что-то сказать, но промолчала.

— И когда начнем? — спросил Борис. — Прямо сейчас?

Митя встал с кресла и с чувством потянулся.

— Нет, сегодня мы устроим себе выходной. Если в топах всплывет что-то интересное про «Биотроникс», то как раз к завтрашнему утру. А сейчас нам нужна небольшая перезагрузка. Сходим на озеро, искупаемся. Переодевайтесь, и через десять минут встречаемся у входа.

— Через час! — вырвалось у Бориса.

Какие десять минут! Он же прекрасно знал — как только Оля начнет раздеваться, сдержаться будет невозможно. Митя посмотрел на него с пониманием.

— Хорошо, через час.

Сдержаться действительно оказалось невозможно, и вскоре они весело барахтались на своих

сдвинутых кроватях. Через несколько минут вся одежда валялась на полу, и их уже ничто не разделяло. Борис вошел медленно и осторожно, как Оля любила, но после нескольких рывков перестал сдерживать себя. Он не смог остановиться и после оргазма — желание и не думало уходить; скачка продолжалась, пока позволяла эрекция. В этот раз Олины мышцы не отозвались судорогой, и Борис мысленно упрекнул себя — он же знал, что ее тело включается медленнее, чем его. Для синхронизации нужны были неспешные предварительные ласки, а времени на них не было. Хотелось еще и поваляться, просто обнявшись, и душ надо было принять. Ничего, — подумал Борис, — еще успею зайти на второй круг, а там, если повезет, Оля меня догонит.

Им повезло, и они даже уложились в обещанный час. Митя уже ждал их на скамейке перед входом. Закрыв глаза, он блаженно подставлял лицо жаркому летнему солнцу. Оля неслышно подошла сзади и прикрыла ему веки узкими ладошками. Митя широко улыбнулся и осторожно убрал ее руки. На миг Борис испытал легкий приступ ревности — он знал, как приятно прикосновение прохладных девичьих пальцев, и считал, что этот интимный жест предназначен только для него. Оказалось, не только.

Они прошли сквозь редкий сосняк и вышли на берег озера. Водная гладь расстилалась перед ними спокойно и величественно, лес на противоположном берегу казался игрушечным. Едва ощутимый ветерок приятно освежал разгоряченную кожу, не оставляя на поверхности озера даже легкой ряби; вода была на удивление чистой и прозрачной.

— Голубые дали! — восхищенно выдохнула Оля.

— А то! — гордо ответил Митя, как будто в этой красоте была и его заслуга.

По узкой тропинке вдоль берега друзья прошли мимо песчаного пляжа с огороженной купальней для детей, мимо потемневших от времени мостков, мимо камышовой отмели. Наконец тропинка привела их к нагретому солнцем древнему каменному языку, плавно уходившему под воду. Митя опустился на теплый камень, Борис последовал его примеру. Оля стянула через голову цветной сарафанчик и осталась в белом раздельном купальнике, мало что прикрывавшем.

— Ты чудо! — сказал Борис совершенно искренне.

Оля улыбнулась в ответ, и Борис испугался, что сейчас на ее белоснежных трусиках проступит темное пятнышко — предательский след их полуденной любви. Он хотел было встать, но Оля уже отвернулась от них и стала осторожно спускаться

к воде. У самой кромки она остановилась, подняла руки и привычным движением собрала волосы в роскошный хвост. Борис невольно залюбовался ее точеной фигуркой и вдруг вспомнил эту позу — точно так же собирала волосы девушка из другой эпохи, статуэтку которой он видел однажды в каком-то музее. Вечная красота! — подумал он. Митя как будто прочитал его мысли. Восхищенно глядя на девушку, он прошептал:

— Puella eterna...

— Что? — не понял Борис.

— Вечная девочка, — тем же шепотом ответил Митя. — Повезло тебе.

— Это верно, — сухо подтвердил Борис, показывая, что не намерен развивать тему.

Митя почувствовал его настроение и замолчал. Борис смотрел на неправдоподобно чистое небо, на воду в ослепительных бликах, на удаляющуюся каштановую головку, вызолоченную полуденным солнцем — и его заполняло тихое, спокойное счастье. Почти что счастье — где-то в глубине все еще неприятно зудела неустранимая темная червоточина. У этой червоточины было имя — «Биотроникс». Борис вдруг понял, что именно из-за нее Митя организовал им и этот пикник, и безумный полуденный секс. Что же мы наделали? — с тоской подумал он. — Что же я наделал?

24

Следующим утром друзья собрались в своей штаб-квартире, ожидая Дон Жуана. Оля стояла у окна, Митя в очередной раз перетасовывал свои социальные схемы, Борис, как обычно, начал день с сетевого серфинга. Они уже так притерлись друг к другу, что долгое молчание совершенно не тяготило. Наконец Оля оторвалась от пейзажа за окном и подсела к Мите.

— Скажи, ты веришь Матвею? Хакер точно здесь?

— Скорее всего. Но не факт. Протезом могли управлять и с микродрона, телесное присутствие тут совершенно необязательно.

— А Матвей разве этого не понимает?

— Прекрасно понимает. Его слова означают лишь одно — институт не хочет, чтобы мы рассматривали другие версии.

Оля слегка наклонила голову.

— Но мы же будем?

— Разумеется. Мы будем копать везде, куда только сможем дотянуться. Вот, Боб уже копает.

Оля ненадолго задумалась.

— А Матвей знает, что мы будем искать следы в сети?

— Конечно знает. Он же сам учил меня работать. А сейчас по-другому никак не получится.

Оля хотела еще что-то сказать, но тут в дверь постучали, и в комнату вошел стриженный под ноль мальчуган, уже успевший сменить северную бледность на ровный деревенский загар.

— Здравствуй, Коля! — поприветствовал его Митя. — Проходи, присаживайся. Нас ты уже знаешь, и знаешь, зачем мы здесь. Так что ты, наверное, догадываешься, что нас интересует.

Дон Жуан криво усмехнулся.

— Известно что. Мы же до этой драки никого не волновали, нас просто ни для кого не существовало. А тут сразу зачастили... Всякие...

Он замолчал, и Борис догадался — это не от того, что Коля не смог подобрать нужное слово; просто он не стал говорить его вслух. Впрочем, все и так было понятно. Но Митя, конечно, ухватился совсем за другое.

— Драки? То есть это не было неспровоцированным нападением? Никита чем-то задел Марата?

Дон Жуан мгновенно набычился и заерзал в кресле.

— Н-нет... Мы же друзья...

Борису стало жалко мальчишку, загнанного в этическую ловушку, но Митя продолжал напирать:

— А ты? Ты когда-нибудь подтрунивал над Маратом?

Дон Жуан опустил голову.

— Иногда... Редко... Но я ведь не со зла. Он же мне как брат.

— А остальные? Ваня, Марина? Они подтрунивали?

— Я не знаю...

Дон Жуан замер, сосредоточенно разглядывая свои кроссовки. Оля потянулась к клавиатуре, предусмотрительно спрятанной под столешницу. На экранах появилась фраза:

— Он не переигрывает?

Митя тут же набил ответ:

— Близнецы не умеют врать, ты же знаешь. Физиология сразу их выдаст.

— Ты уверен? — набила Оля.

Отвечать Митя не стал. Вместо этого он снова обратился к Дон Жуану:

— И последний вопрос. Скажи, тебе нравится какая-нибудь девочка?

Дон Жуан покраснел так, как будто его только что заставили выпить стакан кипятка.

— Я не буду отвечать на этот вопрос, — произнес он еле слышно.

— И не надо! — Митя махнул рукой, как бы призывая отбросить все мучающее и неудобное. — Спасибо, Коля, ты нам очень помог. Можешь идти; надеюсь, нам больше не придется напрягать тебя.

Дон Жуан взглянул на него с заметным облегчением, попрощался и быстро вышел. Борис подошел к Оле сзади, легонько сжал ее плечи, уже тронутые легким загаром, и продекламировал:

— Сильнее ей не мог он возразить!

В ответ Оля скорчила одну из своих трогательных гримасок.

— Признаю!

Борис не удержался и, наклонившись, поцеловал ее в лоб. Наверное, не стоило делать это при Мите — но кто бы тут удержался?

25

Вечерний серфинг принес дурные новости — покончил с жизнью Павлицкий, один из основателей и ведущих разработчиков «Биотроникса». В сети шли обычные разборки — одни утверждали, что поделом, так ему и надо; другие, наоборот, писали об обостренном чувстве вины талантливого кодера. Попутно замечая, что ни одному топ-менеджеру или финансовому директору «Биотроникса» такое никогда бы и в голову не пришло. Официальная версия тоже говорила о самоубийстве, хотя обстоятельства смерти были не совсем обычны. Павлицкий сел в свою машину, переключился на ручное

управление, принудительно отключил все системы защиты, разогнался и на полном ходу врезался в бетонную стену. Сорвавшийся с опор мотор пробил защитный кокон и превратил его тело ниже пояса в кровавую кашу.

Разумеется, заводские настройки не позволяют отключать системы защиты. Но Павлицкий, ранее участвовавший и в этом проекте, оставил в своей версии программы отладочную «заднюю дверь», которой и воспользовался. Так, во всяком случае, сообщали в новостях. Если бы не скандал, заполнивший всю инфосферу, его смерть вызвала бы куда больше подозрений; но сейчас версия самоубийства принималась почти единодушно. Сообщение о жестоко избитом ребенке вызывало у всех праведный гнев и жажду возмездия, которые распаляла и усиливала суеверная боязнь «умных машин».

Другой дурной новостью было раскрытие личности Изотова. Пока что, кажется, ему нечего было предъявить; но ушлые тролли уже вовсю копались в его биографии и в его профилях, разыскивая хоть какой-то компромат на сотрудника преступной компании. Услышав об этом, Оля побледнела.

— Значит, и нас тоже могут раскрыть?

— А вот здесь начинается самое интересное, — ответил Борис. — Хакер, перехвативший наш разговор, вполне мог выложить в сеть видеофайл. Но почему-то ограничился лишь аудиоверсией.

— Почему? — спросила Оля.

— Не знаю. Возможно, решил придержать козырь, чтобы шантажировать нас.

Оля наморщила лоб.

— Значит, это все-таки кто-то из близнецов?

— Не знаю, — повторил Борис. — Пока что у нас есть одни лишь предположения.

— Понятно, — вмешался Митя. — А про самого Павлицкого удалось нарыть что-то интересное?

— Пока нет, — ответил Борис. — Он работал с секретными материалами, и сеть его не светила. Возможно, в ходе скандала что-то и всплывет, сейчас «Биотроникс» в топе новостей. Я буду отслеживать.

— Хорошо, — кивнул Митя.

Оля удивленно посмотрела на него.

— А ты не хочешь задать этот вопрос Матвею? Хотя бы — не связан ли Павлицкий с делом близнецов?

Митя покачал головой.

— Бесполезно. За новостями Матвей следит и знает о Павлицком не меньше нашего. Если бы он решил, что дополнительная информация как-то нам поможет, он бы ее уже предоставил. Но если он думает иначе, переубедить его я при всем желании не смогу.

— А кто сможет? — спросил Борис.

Митя усмехнулся.

— Думаю, таких людей на нашей планете совсем немного. Хотя... Твоя мать, наверное, смогла бы. Но, возможно, Маша и сама что-то знает об этом эксперименте. Почему бы тебе не поговорить с ней?

Ах, я дурак! — подумал Борис с досадой. Юношеская привычка всего добиваться самостоятельно и никогда не просить помощи у матери сыграла с ним злую шутку. Он совсем забыл о возможностях, которые давал ее допуск; но сейчас было бы глупо пренебречь этими возможностями. Несмотря на все сомнения, попробовать стоило.

26

В город Борис вернулся с Олей; Митя остался в интернате, чтобы не пропустить ничего существенного. Чего именно — никто из них не смог бы сказать, но какие-то смутные предчувствия были у всех. Борис решил познакомить свою девушку с мамой, и Оля отнеслась к этому серьезно — оделась просто и скромно, вместо провокационной мини-юбки и облегающего топика надела узкие джинсы и свободную кофточку из плотной ткани. Вернее, это она думала, что оделась скромно; на самом деле джинсы так соблазнительно обтягивали ее тугую попку, что редкий парень не оборачивался вслед. И под кофточкой, как всегда, ничего не было — Оля терпеть не могла женскую упряжь, ее маленькие грудки прекрасно обходились без всяких хитровыдуманных поддержек. Когда она смотрела на себя в зеркало, это было совсем незаметно, зато в движении наметанный глаз сразу чувствовал разницу. Но Борис, разумеется, не стал об этом упоминать; наоборот, увидев Олю в новом образе, он картинно всплеснул руками:

— Ты сегодня прямо как монашка!

Оля скромно опустила глаза.

— Я старалась.

Борис порадовался, что его мать все еще в прекрасной форме и мужчины до сих пор заглядываются на нее — так что контраст не будет разительным. Ибо истинную красоту возрастом не перешибешь. Если тело можно обтачивать тренировками сколь угодно долго, то с лицом такие лайфхаки не проходят. Припухлая девичья милота оплывает слишком быстро; если лицо сформировано мясом, его не спасут никакие подтяжки. Но если лицо формирует кость — такая женщина останется красавицей до самой старости. Борис взглянул на точеный профиль Оли — та же кость, та же порода. Маме она понравится.

Он оказался прав — Оля понравилась матери. А его просьба, наоборот, совсем не понравилась.

— Как ты себе это представляешь? — спросила она. — Вы приходите ко мне, и я передаю вам информацию, к которой у вас нет допуска?

— Нет, — терпеливо ответил Борис, — я хочу, чтобы ты помогла мне сформулировать запрос. Куда надо обратиться за таким допуском, к кому конкретно, как это оформить. Ты же знаешь все лазейки в системе. Нам действительно очень нужны ответы, иначе я не стал бы тебя просить.

Маша рассеянно поправила волосы, хотя никакой необходимости в этом не было.

— Если бы все было так просто! Но вы не можете запросить материалы по этому эксперименту, поскольку официально никакого эксперимента не было. Все файлы давно уничтожены, о деле близнецов знают лишь несколько человек, связанных обязательством хранить тайну.

— Значит, выхода нет? — спросил Борис.

— Я этого не говорила, — ответила Маша. — Если вам действительно так нужна эта информация...

— Очень нужна! — вырвалось у Оли.

Она собиралась сидеть молча и не встревать в разговор, но не выдержала. И сразу прикусила язык, кляня себя за несдержанность. Маша посмотрела на ее опущенное лицо с порозовевшими щеками и невольно улыбнулась.

— Если официально эксперимента не было, то человек, узнавший о нем случайно, может поделиться такими сведениями. При этом он ничего не нарушит, потому что на такой информации нет грифа секретности. Ее как бы не существует; вы не сможете использовать ее ни для доказательства, ни для опровержения, ни для любого другого официального высказывания.

Борис мгновенно напрягся.

— И ты знаешь такого человека?

— Знаю, — ответила Маша. — Возможно, ты тоже его помнишь, он несколько раз заходил к нам.

— Кто он?

— Алексей Семенов. Можно просто КуДзу, так ему даже привычнее. Но только... Он не то чтобы случайно узнал об эксперименте. Он эту информацию... Скажем так, добыл. Искал другое, но попутно захватил и близнецов. Понимаешь?

Борис кивнул.

— Ясное дело. То есть ни в сети, ни на любом носителе не должно остаться никаких следов разговора о близнецах?

Маша улыбнулась.

— Умница ты моя! Все правильно — только личная встреча, только разговор с глазу на глаз. И никаких упоминаний и ссылок. Я организую вам встречу, но все остальное ты должен будешь сделать сам.

Борис обнял мать за плечи и с чувством чмокнул ее в щеку.

— Спасибо, ма! Я не сомневался, что ты нам поможешь!

27

На встречу с КуДзу Борис пошел один — Маша сказала, что им с Олей надо пощебетать о своем, о девичьем. Оля вопросительно взглянула на него, но спорить не стала.

— Не бойся, мама не будет подкладывать тебе горошину! — успокоил ее Борис.

На этот счет он и сам был спокоен — он слишком хорошо знал свою мать. Все, что могло ее заинтересовать, она наверняка узнала еще в апреле, когда он только начал встречаться с Олей. Узнала и перепроверила. А сегодня Оля ей понравилась, в этом можно было не сомневаться. Значит, нескромными вопросами мучить не будет. Скорее всего, просто хочет навести морок — сформировать позитивное впечатление. Безобидная хитрость, от которой никому не будет вреда.

Разговора матери с КуДзу Борис не слышал, но понимал, что по открытому домашнему каналу она не могла назвать интересующую его тему, не могла даже намекнуть на нее. Возможно, узнав, о чем речь, КуДзу просто развернется и уйдет. Но

выбирать не приходилось, другого источника все равно не было.

Они встретились вечером в городском парке. Борис не помнил КуДзу, но тот узнал его сразу. Пройдя по центральной аллее, они расположились на свободной скамейке перед прудом. КуДзу действительно не представлял, о какой услуге попросила его Маша; пришлось рассказать ему о близнецах. Расслабленное лицо КуДзу дрогнуло и застыло жесткими складками.

— Не лез бы ты в это дело. Грязная история. И люди, которые все это провернули, они... Лучше с ними не пересекаться.

Примерно такого ответа Борис и ожидал. Но отступать он не собирался. Тщательно подбирая слова, он рассказал свою историю во всех подробностях — начиная с Митиного предложения и инцидента в аэропорту, и кончая смертью Павлицкого. Когда Борис умолк, КуДзу с минуту сидел молча, с той же неподвижной маской на лице. Наконец он заговорил тихим бесцветным голосом.

— Не думал, что они решатся на такое. Информация попала ко мне, когда проект был еще на стадии проработки. Я принес все материалы Маше, чтобы она остановила это безумие. После чего обсуждение прекратилось и все файлы стерли. Я был

уверен, что проект закрыли, что никто не захотел брать на себя ответственность за столь жестокий эксперимент. Ведь, по сути, они лишили этих детей детства, отняли у них возможность расти в любящей семье. Я был уверен...

Борис подождал окончания фразы и, не дождавшись, заговорил сам.

— Я тоже считаю этот эксперимент трагической ошибкой. Но сейчас вокруг него стали твориться странные вещи. И нам нужно понять, что же на самом деле произошло восемь лет назад.

КуДзу внимательно посмотрел на него.

— Ты думаешь, что нынешние проблемы как-то связаны с историей проекта?

— Я не знаю, — честно ответил Борис. — Но перед тем, как делать выводы, мы хотим собрать как можно больше информации об этом деле.

— А что конкретно тебя интересует? — спросил КуДзу. — Адреса, явки, пароли?

— Почти. Имена и должности тех, кто принимал решение о проведении эксперимента. И о самой процедуре хотелось бы узнать поподробнее.

КуДзу в задумчивости потер лоб.

— Как ты понимаешь, все файлы я стер. И помню далеко не все. А о принятом решении и вовсе узнал только сейчас. Поэтому могу лишь высказать свои предположения.

Он вопросительно посмотрел на Бориса. Тот энергично закивал, и КуДзу продолжил:

— Этот вопрос обсуждался специальной комиссией из девяти человек. Трое были активно против, четверо за. Еще двое колебались и настаивали на предварительной проработке проблемы. Я думаю, после сообщения об утечке работу форсировали и решение приняли большинством голосов. Просто проголосовали. И вряд ли позиция членов комиссии изменилась. Всех я, конечно, сейчас не вспомню; но тебя же интересуют только выступавшие за?

Борис снова кивнул.

— Да!

— Знаешь, я не стал бы ничего тебе говорить, — сказал КуДзу, — если бы не это совпадение. Дело в том, что одним из поддержавших проект был Павлицкий.

— Правда?! — Борис с трудом удержался, чтоб не вскочить с места.

— Нет! — отрезал КуДзу. — Я же тебя предупредил, что это всего лишь мои предположения. Но с абсолютной уверенностью я ничего сказать не могу.

— Хорошо, хорошо, — торопливо согласился Борис, — а кто остальные?

— Сергей Ковальчук и Геннадий Соколов от Комитета, и Галина Саранцева из Минобра. Запом-

нишь? Эта информация должна храниться здесь и нигде больше.

КуДзу постучал пальцем по виску, показывая, где именно должна лежать информация. Борис невольно усмехнулся.

— Разумеется. Мать меня предупредила.

— Ну и отлично. Жаль, что ничего не могу добавить. Надеюсь, эти сведения вам помогут. Удачи!

КуДзу встал, чтобы уйти, но Борис удержал его.

— И последний вопрос. Все говорят, что наш хакер — настоящий гений. Как ты считаешь — его не переоценивают? Вот ты, например, смог бы хакнуть «умную руку»?

— Думаю, смог бы, — ответил КуДзу. — Но ты неправильно ставишь вопрос. Я уже знаю, что в софте изолированного комплекса была уязвимость, и даже примерно догадываюсь какая. С такой форой шансы на успех достаточно высоки. Но не имея этой информации, я не стал бы даже пытаться. И никто не стал бы. Чтобы взяться за такое, нужна мотивация. Очень сильная мотивация.

28

В «Сосновый бор» Борис с Олей вернулись в понедельник. Накануне Борис связался с Митей и сообщил, что есть новости; подробности завтра при личной встрече. После утечки переговоров с «Биотрониксом» другим способам связи он больше не доверял. Митя выслушал его с интересом, но новость о Павлицком его, похоже, не слишком удивила. Как будто он заранее знал, что все окажется именно так. Фамилии остальных членов комиссии ничего ему не говорили.

— Ты уже узнал что-то про них? — спросил он.

— Нет, — ответил Борис, — ты же понимаешь, в сети нельзя светить такими поисковыми запросами. А в городе анонимайзер не организуешь, там все жестко схвачено.

— А здесь? — спросил Митя.

— Здесь мы выходим в сеть не напрямую. Гарантировать ничего не могу, но несколько идей у меня есть.

Митя кивнул.

— Хорошо, работай над этим.

— А что у тебя нового? — спросила Оля.

— Здесь пока все согласно прогнозам, — ответил Митя, — то есть ничего неожиданного.

Он рассказал, что успел опросить еще шестерых мальчиков, в том числе всех свидетелей инцидента. И еще раз убедился, что близнецы действительно не умеют врать, когда речь заходит об их личной ответственности. Если правильно ставить вопросы, из них можно вытянуть много интересного — на что предыдущая комиссия просто не обратила вни-

мания. Например, пятеро из шести детей признались, что подтрунивали над Киборгом. Не то чтобы очень зло; но если искать в группе мальчика для битья, то это несомненно будет он.

— Ты ничего не путаешь? — возмутилась Оля. — Мальчика для битья? Скажи еще — козла отпущения!

Митя поморщился.

— Я же сказал — «если». Тут, конечно, мягкий вариант; ни о каких издевательствах речи не идет. Скорее это игра по общему согласию. Хотя иногда она может быть обидной.

— Например? — спросила Оля.

— Например, от его имени написали открытку одной девочке. С предложением сердца и механической руки. И с соответствующей картинкой. Как раз перед инцидентом.

— Девочка — тоже аутсайдер? — уточнила Оля.

— Разумеется, — ответил Митя. — Катя Никитина. Мышка.

— И ты ее еще не опрашивал?

Митя скорчил обиженную гримасу.

— За кого ты меня принимаешь? Конечно же нет. По плану Мышка у нас пойдет последней. Если только не выплывет что-то совсем неожиданное.

— А почему бы нам не поговорить с ней прямо сейчас? — спросил Борис. — Или ты все еще надеешься узнать что-то новое у середнячков? По-моему, дохлый номер — у них и на первом опросе показания были как под копирку.

— Как близнецы! — Митя улыбнулся, но тут же снова стал серьезным. — Ты прав, скорее всего, ничего нового мы не узнаем. Но мы все равно будем действовать по протоколу. Чтобы гарантированно не упустить ничего существенного.

— Зануда! — насмешливо протянул Борис. — Протокольная крыса, бумажная душонка!

— Почему же бумажная? — удивился Митя. — Где ты тут видел бумагу? Тогда уж — цифровая.

29

Наутро они вновь сидели у своих мониторов, готовясь к очередному опросу. Внезапно Борис удивленно присвистнул, и друзья повернулись к нему.

— Что? — спросил Митя.

— Ковальчук! — ответил Борис. — Скончался четыре месяца назад.

— Обстоятельства! — нетерпеливо потребовал Митя.

— Нет сведений.

— Как нет?

— Информация закрыта законом о защите приватности умерших.

Митя удивленно посмотрел на него.

— А это еще что?

— Это старый закон, — пояснил Борис, — просто он очень редко применяется. Информация о причине смерти закрывается, если смерть наступила при компрометирующих обстоятельствах. При передозе веществами, например, или при использовании секс-игрушки в нештатном режиме. Там много пунктов, гадать нет смысла.

— То есть мы ничего не сможем узнать? — спросил Митя.

— Видимо, да, ¬— ответил Борис. — Зацепиться здесь не за что. Но только на совпадение это както совсем не похоже.

Оля нервно забарабанила пальцами по столу. Ее лицо побледнело и заострилось, глаза расширились и казались огромными.

— О чем вы тут говорите? Вы что, не понимаете — если это не совпадение, нам надо сматываться отсюда, и как можно скорее!

Митя отрицательно покачал головой.

— Давайте все же исходить из того, что это совпадение. Потому что иначе нам придется принять версию о всемогущем противнике, держащем под контролем и всю сеть, и все умные вещи. Но даже в этом случае интернат — самое безопасное для нас место.

— Почему? — не поняла Оля.

— Он прав, — подтвердил Борис, — если этот гипотетический противник действительно настолько продвинут, он сможет с одинаковой легкостью достать нас в любом месте. Но только не здесь — потому что именно здесь это будет выглядеть очень подозрительно. Будет за что зацепиться.

Митя кивнул.

— Значит, остаемся и работаем дальше. А что с остальными?

Борис пожал плечами.

— Пока ничего интересного. Соколов растет по службе и в сети особо не светится. А Саранцева вышла на пенсию и стала звездой кулинарных форумов. Каждую неделю выкладывает новые рецепты своих пирогов. С клипами в 5D, можно даже потрогать и понюхать. Аппетитно выглядят, жаль, в 5D вкус не передается...

— Неважно, — перебил Митя. — Что она использует? Умный кухонный комбайн?

— Да, у нее последняя модель, подключенная к кулинарной базе. Ты думаешь?..

— Я не знаю, — ответил Митя. — Для нас, конечно, это будет выглядеть слишком подозрительно. Но ведь сегодня никто даже не подозревает, что между этими людьми была какая-то связь — все файлы стерты. Ни один проверяющий не най-

дет между ними ничего общего. Так что — все может быть. Отслеживай обоих, пока ситуация не прояснится.

— А мы разве не должны их предупредить? — спросила Оля. — Если им действительно угрожает опасность, они имеют право об этом знать.

— Мы не можем их предупредить, — терпеливо объяснил Митя, — потому что никаких сведений об их связи просто не существует. По крайней мере, на искусственных носителях. Единственное, что мы можем...

Он повернулся к Борису.

— Узнай, с какого просмотра они начинают день, и устрой так, чтобы на этих страницах были сообщения о смертях Павлицкого и Ковальчука. Как можно ближе и по возможности с подробностями. Естественно, не оставляя следов. Сможешь?

— Попробую, — неуверенно ответил Борис.

Оля подошла сзади и положила руки ему на плечи.

— Боб, ты ведь сможешь? Скажи, что сможешь!

Он наклонил голову, прижимаясь щекой к ее руке.

— Конечно! Без проблем!

— Боб, я тебя люблю! — объявила Оля и поцеловала его в висок.

30

В пятницу в штаб-квартиру пригласили Шпалу — Витю Корнеева. Олю все еще коробили ники, которые Митя с легкостью раздавал близнецам; они казались ей оскорбительными. Но не признать поразительную точность этих кратких характеристик она не могла. Казалось, любой случайный наблюдатель, имея перед глазами группу детей и список ников, сможет без труда определить, кто есть кто. Но как раз это и было бы самым обидным — если бы Митин список стал доступен близнецам.

Шпала подтвердил то, что они и так знали — близнецы не способны лгать. Да, он иногда подтрунивал над Маратом. Нет, никакой злости, они же друзья. Нет, назвать это травлей никак нельзя, это же просто шутки. Нет, Марат никогда не обижался, он уверен. Нет, он не взламывал «умную руку».

Все это друзья слышали уже не раз. Как ни старался Митя изменить вопросы, результат всегда оставался одним и тем же. Но к этому они были готовы; да они и не надеялись узнать что-то новое. Требовалось лишь исключить возможность ошибки.

Отпустив Шпалу, Митя повернулся к Борису.

— А что с твоими подопечными? До них дошло?

Борис кивнул.

— Более чем. Саранцева в тот же день отключила свой кухонный комбайн от сети. А Соколов купил горящие путевки в санаторий.

— Решил убежать? — усмехнулся Митя.

— Кто ж его отпустит, у него же работа. Эвакуировал семью.

— И ничего не отключил?

Борис удивленно посмотрел на Митю.

— А я разве не говорил? Он же двинутый на всяких технических прибамбасах. У него «умный дом» с полным фаршем; это сложнейший комплекс со множеством явных и неявных внутренних связей. Если отключать — то все сразу. Или вызывать специалиста. Но специалисту придется объяснять причину, а это, подозреваю, будет не так просто.

— Сам не справится? — спросил Митя.

Борис покачал головой.

— Исключено. Не тот уровень. Он фанат-любитель, и не более.

— Подождите! — вмешалась Оля. — Вы что, не понимаете? Ведь это значит, что в простом совпадении они увидели самую реальную угрозу! Не сговариваясь! Так может, это было не случайное совпадение? Может, мы просто чего-то не знаем?

— Может быть, — нехотя согласился Митя. — Боб, давай-ка ты еще раз расскажешь нам все, что

узнал от КуДзу об эксперименте с близнецами. Со всеми подробностями.

Борис потер лоб, пытаясь припомнить все подробности. Глупый жест, но иногда это ему помогало.

— Да я практически все уже рассказал... Может быть, просто не в той последовательности. Ну что ж, давайте повторим пройденное. Эта история началась давно, сразу после перезагрузки. В то время проводилось много исследований по предсказанию поведения человека...

— По чтению мыслей! — перебила Оля, выразительно посмотрев на Митю.

— И в этой области ученые добились огромных успехов, — продолжал Борис, пропустив Олино замечание мимо ушей. — Смоделированные реакции совпадали с реальными вплоть до незначительных деталей. Было лишь две проблемы. Первая — если человек, разбирающийся в технологиях слежения, хотел ускользнуть от ока системы, он мог это сделать. Заслониться специально созданной ложной личностью, а самим собой быть лишь в серых зонах, свободных от наблюдения. КуДзу называл это «шифроваться»; и он, и все его друзья были опытными шифровальщиками. Сложилось странное положение. Система очень точно могла предсказать вероятное поведение в любой гипотетической ситуации — но только для тех, чье поведение пред-

сказывать неинтересно. А все специалисты, чьи реакции действительно могли бы на что-то повлиять, ускользали от анализа. То есть просчитывать их поведение было можно, но достоверность результатов оставляла желать лучшего.

— Что-то я об этом читала, — вспомнила Оля. — Проект «тульпа»?

— Тульпа, — подтвердил Борис, — она самая. И вторая проблема — для таких расчетов требовались значительные вычислительные мощности; это была программа для индивидуальной работы. А задачи перед ней ставились глобальные — просчитать всех, и одновременно. Вот тогда и заговорили о проекте «близнецы», который должен был снять эти противоречия. Кто-то предположил, что если подобрать детей, максимально сходных по психотипу, и воспитывать их одинаково, то просчитывать их реакции можно будет уже не индивидуально, но на уровне психотипа. Само собой, это воспитание представлялось весьма специфическим. Оно должно было не просто поощрять ребенка за «правильные» реакции, а за «неправильные» наказывать — но всегда стараться ставить его в такие условия, когда любая нестандартная реакция будет невозможной. Блокировать любые действия, кроме аутентичных. Разумеется, такие требования абсурдны, и большинство ученых прекрасно это

понимали. Но звучало все довольно убедительно, и запрос был очень актуальным. Поэтому тему не закрывали, комиссия периодически собиралась и заседала в вялотекущем режиме, пока протоколы заседаний случайно не попали к КуДзу. Он передал их моей матери, после чего все файлы проекта были стерты. Что случилось потом, мы не знаем. Можем только догадываться.

Какое-то время все сидели молча. Наконец Митя сказал:

— Спасибо, Боб. К сожалению, ясней не стало.

Борис пожал плечами.

— Я же говорил, что все рассказал еще в понедельник.

— Говорил, — согласился Митя. — Даже не представляю, за что тут можно ухватиться. Давай попробуем вот что — покопайся в истории нашего протеза. С самого начала. Можешь узнать — что у Марата было с рукой?

— Тут и копать не надо, — ответил Борис. — После смерти Павлицкого об этом трубили по всем сетям. Руку Марату можно было спасти, но с неполной функциональностью. А протез мог восполнить все недостатки; в то время это казалось оптимальным выходом. Но сейчас в инете многие считают, что если бы руку тогда оставили, сегодня ее смогли бы восстановить в полном объеме. Стала бы как

новенькая. Эту ошибку, кстати, и считают главной причиной самоубийства Павлицкого — те, кто верит в версию самоубийства. А это почти все.

— Боб! — Оля выпрямилась, в ее голосе слышалась обида. — Почему мы узнаём об этом только сейчас? Мы команда — или где?

31

Спустя несколько дней все близнецы были опрошены. Все, кроме Мышки. И все как один ответили, что не взламывали «умную руку». Выходило, что если взлом действительно совершили в «Сосновом бору», то кроме Мышки никто не мог этого сделать. Но все же трудно было поверить, что мегахакер мог быть аутсайдером, не укладывалось это в голове. Где мега, а где омега.

— А мы уверены, что близнецы не способны врать? — спросила Оля. — Вдруг мы ошибаемся?

— Они способны, конечно, — ответил Митя, — никаких блоков им не ставили. Но если близнец соврет, ложь будет сопровождаться бурными физиологическими реакциями, которые невозможно не заметить. Вспомни, как покраснел Дон Жуан, когда я задал ему последний вопрос. Близнецы не лгут не потому, что не способны, но потому, что знают — скрыть ложь они все равно не смогут. Убедил?

— Даже не знаю, — с сомнением ответила Оля, — странные они какие-то. Иногда вроде бы совсем еще дети, а иногда...

Она замолчала, подбирая нужные слова, но Митя не стал этого дожидаться.

— Они и должны быть немного странными. Но пока что, если ты заметила, они раскрываются в точном соответствии с нашими ожиданиями. Так что у нас нет оснований сомневаться в наших прогнозах.

Борис промолчал. Он понимал, что Митя прав; возразить было нечего. Но при этом его не отпускало ощущение, что Оля тоже права — эти дети действительно очень странные. Митя повернулся к нему.

— А теперь, с учетом всего, что мы узнали, как ты думаешь — Мышка могла хакнуть протез? В принципе?

— В принципе, и кошку можно передать по беспроводке, — ответил Борис.

— А серьезно?

— Если серьезно и если в принципе, то это мог сделать любой из близнецов. Математику им читали на университетском уровне; если бы их выпускали на олимпиады, они рвали бы всех в клочья. Кодить, правда, их учили по стандартному курсу, но зато у них была возможность выбрать факуль-

тативный предмет. С дистанционным обучением и подтверждением квалификации. Угадаете, что они выбрали?

— Что, неужели все выбрали одно и то же? — удивилась Оля.

— Естественно, — ответил Митя, — они же близнецы.

— Совершенно верно, — подтвердил Борис. — И теперь все они сертифицированные кодеры. Но для нашего взлома одной квалификации недостаточно, тут нужны особые способности. А есть ли они у Мышки — большой вопрос.

Митя разочарованно вздохнул.

— Понятно, что опять ничего не понятно. Ладно, послушаем, что она скажет. И Боб, если до этого дойдет — ты сможешь задать ей пару профессиональных вопросов? Просто чтобы уточнить уровень?

— Попробую, — ответил Борис.

— Тогда я ее приглашаю, — подытожил Митя. — Завтра в три. Возражений нет?

— Отлично! — сказал Борис с напускной бодростью.

Он хотел показать, что держит все под контролем и готов к любой неожиданности. Но, если честно, он даже примерно не представлял, какой оборот может принять сегодняшний опрос.

— Ну, не знаю, — с сомнением протянула Оля, рассматривая лицо Мышки на экране, — как-то не похожа она на мегахакера. Совсем не похожа. Ей бы в куклы играть. Да еще эти косички...

Косички давно перестали быть элементом повседневного быта, их заплетали, когда специально хотели подчеркнуть принадлежность к уже ускользнувшей детскости. Но у Мышки не могло быть такого желания, она сама была ребенком, которому еще предстояло сформироваться. Да и не шли ей эти жалкие косицы — только подчеркивали, что волос у девчонки совсем немного и что они тонкие и ломкие.

Борис отвел взгляд от Оли и вновь вернулся к экрану с фотографией. Лицо Мышки казалось симпатичным, с легкой детской припухлостью, вызывающей умиление. Но на нем с пугающей очевидностью уже проступали все его будущие трансформации. Через десять лет милота исчезнет, но припухлость останется. А еще через десять припухлость незаметно перейдет в одутловатость. Симпатичная девочка не станет красивой женщиной, хотя сейчас она вряд ли это понимает.

Борис почувствовал обезоруживающую жалость; он снова взглянул на Олю и на ее лице прочитал то же чувство. Перевел взгляд на Митю. Тот встал, взмахом ладони закрыл приложение и на-

правился к выходу. В дверях он остановился и посмотрел на Олю.

— Ты все время сравниваешь ее с собой. А это неправильно. Они — совсем другие.

32

На следующий день Оля привела Мышку в штаб-квартиру. Девочка чуть замешкалась на входе, поздоровалась, прошла в комнату и села в гостевое кресло. Казалось бы — простое действие; но за эти секунды Мышка успела потеребить пуговку на блузке, споткнуться на ровном месте, покраснеть, поправить рукав, неловко опуститься в кресло и поерзать в нем, двумя руками придерживая край юбки. Неуклюжий угловатый подросток, смущенно и неуверенно проходящий через пугающий пубертат. На миг Борису показалось, что смущение избыточно и все увиденное было искусно разыгранной буффонадой. Но он тут же вспомнил продолжение вчерашнего спора на любимую тему — могут ли близнецы врать.

— Исключено! — заявил тогда Митя. — И вы сами можете в этом убедиться. Я подключил биометрию, теперь во время опроса все измеряемые показатели близнеца будут на ваших экранах.

— А нам разве так можно? — с сомнением спросила Оля.

— Уже можно, — подтвердил Митя. — Вчера я говорил с Матвеем — нам повысили уровень миссии. До оранжевого.

— Оранжевый? — переспросила Оля. — Это значит, нас должны сменить?

— Разумеется, — согласился Митя, — сменят, и очень скоро. Так что — работаем!

И сейчас биометрия показывала, что все честно, что Мышка действительно смущена и зажата. А Оле и биометрии не требовалось — она доверяла своим чувствам. Вместо того чтобы сесть за стол, она подкатила свое кресло к гостевому, села рядом с Мышкой и взяла девочку за руку. Митя смущенно кашлянул.

— Катя, мы должны задать тебе несколько вопросов. Начнем с главного — это ты взломала «умную руку»?

— Нет, — ответила Мышка, не поднимая глаз.

Все повторялось — точно так же ответили все близнецы. И им, и первой комиссии. Биометрия подтверждала правдивость; но Мышка была последней, и Митя не собирался ее выпускать.

— Хорошо. Скажи, ты перехватывала управление «умной рукой»?

Мышка опустила голову еще ниже.

— Да.

— Зачем? — вырвалось у Оли.

— Подожди! — перебил ее Митя. — Давай сначала выясним — как. Как, Катя?

— Я переключила управление на игровую перчатку. А сигналы с трех камер вывела на большой экран.

Борис перевел взгляд на моргнувший монитор — Митя послал ему схему интерната с расположением всех близнецов во время инцидента. Точку с пометкой «Мышка» Борис нашел в спальне девочек, рядом с тремя другими красными точками. Выходит, по крайней мере три девочки точно знали, что произошло. И ни одна не проговорилась, ни одну не удалось подловить на личной ответственности.

— Понятно, — сказал Митя, — с этим вопросов нет. Но чтобы перехватить управление, надо было модифицировать программный комплекс, а для этого получить прямой доступ и права суперпользователя. То есть «умную руку» кто-то взломал. Ты не знаешь — кто?

— Знаю. Программа, — ответила Мышка, продолжая разглядывать свои коленки.

— А программу написала ты?

— Да.

Митя заметно оживился.

— И как она смогла взломать защищенную систему?

— Не знаю.

— Как не знаешь? — удивилась Оля. — Ты же сама ее написала?

— Это как раз нормально, — вмешался Борис, — самообучающаяся программа на каждом этапе сама формулирует очередное задание, принимая в расчет все промежуточные результаты. Работает постоянная обратная связь. Узнать, каким способом достигнут конечный результат, бывает довольно трудно. Да это обычно и не нужно.

Митя кивнул.

— Ясно. Но все-таки, Катя, какой бы умной ни была программа, ей нужно указать уязвимость, с которой она должна работать. Я правильно понимаю?

— Да, — Мышка неохотно подняла на него глаза. — У «умной руки» есть несколько входов, но они запаролены. Взломать их невозможно, после трех неправильных вводов в сервис-центр пойдет сообщение о компрометации. Но там есть и несколько портов, зарезервированных для будущего использования. Если знать служебный пароль, с ними можно играться, не опасаясь тревоги. А пароль я запросила от имени директора...

— Да, мы знаем, — подтвердил Митя.

Он вопросительно посмотрел на Бориса — это похоже на правду? Борис кивнул — в принципе, возможно. Ответ Митю удовлетворил. Он вновь повернулся к Кате.

— Ну а теперь давай вернемся к главному. Зачем ты ударила Никиту?

Лицо Мышки сморщилось, глаза наполнились слезами.

— Они издевались над Маратом! Все время издевались! Он смеялся вместе со всеми, делал вид, что его это не задевает. Но я же видела, как ему больно! Я просто хотела остановить эту травлю!

— Выбив Никите зубы?

— Нет! Я же не знала, что замена снимет все ограничения! Просто не подумала! В голову не пришло...

Мышка заплакала, как ребенок, громко всхлипывая и размазывая слезы по щекам. Ее лицо покраснело и стало некрасивым, из ноздрей потекло. Оля вскочила, схватила девчонку за плечи, подняла и прижала к себе инстинктивным материнским движением. Мышка продолжала всхлипывать, уткнувшись в ее футболку.

— Всё! — решительно объявила Оля. — Опрос закончен. Выметайтесь отсюда!

— Ладно, ладно, — примирительно сказал Борис, — продолжим позже.

— Никакого «позже»! — отрезала Оля. — Я сказала — всё! Больше вы не будете мучить ребенка!

— Ну, это не тебе решать, — пробормотал Борис, сбитый с толку этой неожиданной резкостью.

— Не спорь, Оля права, — возразил Митя, вставая. — Пойдем, мы уже все узнали.

33

Выйдя за дверь, Борис схватил Митю за локоть и резко развернул.

— Что это значит?! Почему она права? Почему ей решать, кого мы можем опрашивать, а кого нет?

— А ты не догадываешься? Думаешь, Оля здесь, чтобы тебя развлекать? Ты хоть понимаешь, что без нее мы вообще не могли бы опрашивать девочек? И если она пойдет в отказ, нам нельзя будет даже заговорить с Мышкой. А она, похоже, настроена серьезно.

У Бориса перехватило дыхание.

— Значит, тебе на самом деле нужна была Оля? А я здесь только чтобы ее развлекать — так, что ли?

— Ну-ну, не кипятись! — Митя легонько тряхнул его за плечо. — Ты наш эксперт-айтишник, что бы мы без тебя делали.

— Спасибо, утешил! — огрызнулся Борис. — А что будем делать, если Оля все же упрется?

— То же, что и прежде — копать! Эти три девочки в спальне — они ведь явно все знали. Но проскочили сквозь все наши вопросы, не вызвав никаких подозрений. Просканируй еще раз открытые базы, вдруг там найдется что-то интересное.

— Пташка, Рыжик и Булочка? — уточнил Борис.

— Они самые. И лучше с этим не затягивать, нас могут отозвать в любой момент.

— Ладно, займусь этим прямо сейчас.

Надежд найти что-то новое при повторном сканировании Борис не питал, но это был единственный шанс, на который они могли рассчитывать. Если слегка изменить задачу и расширить критерии поиска... Он вошел в инет, сформировал новый запрос и стал просматривать полученные результаты. В первую очередь его интересовали пройденные курсы по кодингу, но там было лишь то, что он уже знал — прослушали курс, выполнили тестовые задания, сдали экзамен, получили сертификаты. Борис даже заглянул в задания и экзаменационные вопросы — все было честно, на профессиональном уровне. Вся информация об этом курсе была тщательно процежена им еще с первого раза.

Борис сменил зону поиска, открыв базу центра дистанционного обучения. Первый проход не дал ничего интересного, но уже на втором он нашел то, что искал. С минуту Борис сидел неподвижно, не отрывая взгляд от монитора. Несколько раз перечитал строчки, выведенные на экран. Затем закрыл поиск и запустил очистку системы. Действие скорее ритуальное — при желании всегда

можно отследить весь инет-трафик. Очистка лишь уничтожала возможность случайно наткнуться на его фрагмент, когда поисковое приложение решит, что стоит учесть результаты предыдущих поисков.

Дождавшись окончания зачистки, Борис послал Мите сообщение: «Встречаемся у фонтана. Срочно». Хотел перезагрузить сервер, но в последний момент передумал; просто вышел, плотно закрыв за собой дверь. Митя уже ждал его на скамейке у входа. Не сговариваясь, они молча пошли к озеру по знакомой тропинке. Когда здание интерната скрылось за деревьями, Митя остановился.

— Что, все так серьезно?

— Серьезней некуда, — коротко ответил Борис.

— Раскопал что-то новое?

Борис замялся.

— В общем, такое дело... Близнецы, оказывается, прослушали не только курс по кодингу, но и еще три...

— Что?! — перебил Митя. — И ты только сейчас об этом узнал?!

— На сайте вывешены списки всех прошедших обучение и сдавших экзамены. А эти курсы близнецы прослушали, но проходить тестирование не стали. Формально их обучение еще не закончено, оно считается временно прерванным. Информации

об этом в открытом доступе нет, пришлось вскрывать базу...

— Ясно! — махнул рукой Митя. — Ближе к делу. Что они освоили?

— Практическую психологию... — начал Борис, но Митя опять не дал ему закончить.

— Так я и знал! Да, это многое проясняет.

— Ты думаешь, они все-таки могут врать? — спросил Борис.

— Врать? Если они усвоили курс, то могут провести не только нас, но и всю нашу биометрию! Подозреваю, что именно это они и сделали.

Борис кивнул.

— По крайней мере, это снимает все вопросы к Мышке. Невозможно поверить, что она в одиночку могла написать такой код.

— Похоже на то, — согласился Митя. — Скорее всего, это их коллективное творчество. А Мышку они специально выставляют напоказ, как самую мелкую и субтильную. Несчастный обиженный ребенок, которого сразу хочется пожалеть.

— С Олей это сработало, — напомнил Борис.

— Сработало, — подтвердил Митя. — Ладно, не тяни уже, добивай. Что там было еще?

— Распределенные вычисления и криптография.

— Приплыли! — протянул Митя. — Джентльменский набор. Раньше было — оружие, яды, взрывы; а теперь кодинг и крипто. Плюс пси контрольным в голову.

— Слушай, — неуверенно начал Борис, — но ведь есть в этом и хорошая сторона. Если рассказать Оле, что близнецы могут врать, она наверняка разрешит снова опросить Мышку...

Митя резко мотнул головой.

— Забудь! Больше никаких опросов, мы уезжаем сегодня же.

— Зачем? — не понял Борис. — Ты же сам говорил, что нас можно достать где угодно.

— Вот именно! — согласился Митя. — Если мы будем представлять опасность, то, возможно, станем следующей мишенью. Вернее, если в наших действиях можно будет заподозрить потенциальную опасность. Поэтому нам и надо свернуть все как можно скорее, пока не возникло никаких подозрений.

34

Через несколько часов за ними приехал новенький микроавтобус; видимо, в институте отнеслись к их сообщению очень серьезно. Матвей ждал друзей внутри, он не захотел даже выйти. Пожав руку своему куратору, Митя с интересом огляделся.

— Шикарный салон! По какому случаю?

— Защита категории «С», аттестован для проведения секретных переговоров, — пояснил

Матвей. — С этого момента дело близнецов официально закрыто, все обсуждения только в аттестованных помещениях.

— Серьезно? — не поверил Митя. — Из-за каких-то курсов?

— Дело не только в курсах, — ответил Матвей, — есть и другие причины.

Не желая продолжать общение, он вывел на экран карту с проложенным маршрутом и начал изучать ее с преувеличенным вниманием. Никакого смысла в этом не было, просто Матвей выбрал такой способ уйти от неудобного разговора. Возможно, он надеялся, что никто не решится оторвать его от этого увлекательного занятия; но демонстративная грубость приема задела Бориса.

— Матвей, давай начистоту. Что еще от нас скрывают?

— Например? — Матвей удивленно поднял брови.

— Например, как могло получиться, что двадцать восемь детей остались неусыновленными? У нас же, насколько я знаю, потенциальных усыновителей куда больше, чем сирот.

Матвей недовольно поморщился.

— Я ведь уже говорит, что это был не самый этичный эксперимент. Да, этих детей удалили из базы усыновлений. Да, это ужасно. Но прошлого

уже не исправить, давайте исходить из того, что есть...

— Матвей! — перебил его Митя. — Не держи нас за идиотов! По той версии, что нам подсунули, близнецов отбирали по схожему психотипу, причем уже в пятилетнем возрасте. Но для такого отбора надо было иметь на порядок больше сирот-пятилеток, а это уже запредельный бред.

Матвей заметно смутился и даже слегка прикусил губу.

— Ну да, все было не совсем так. Долго рассказывать.

— Мы не торопимся, — отрезал Митя.

Матвей отодвинул экран в сторону и внимательно оглядел друзей — все смотрели на него с ожиданием.

— Я и сам не знаю всего, — примирительно начал он, — могу рассказать только свою версию. Но за достоверность не ручаюсь, поэтому любые ссылки и упоминания...

— Короче! — не выдержал Митя. — Кончай спамить, давай ближе к делу.

— Хорошо, — сдался Матвей, — слушайте. Сразу после второй техногенной на северо-западе начались проблемы с рождаемостью. Возможно, вы об этом даже не слышали, поскольку фертильность довольно быстро пришла в норму. Но тогда никто

не мог этого предвидеть, все готовились к худшему. Разморозили старую программу «дети из пробирки» и даже провели первые опыты. Весьма успешные, кстати; но там специально отбирали генетический материал, чтобы получить детей с высоким потенциалом. К технологиям претензий не было, требовалось лишь согласовать этические вопросы. Но пока шли согласования, природа взяла свое и необходимость в программе отпала. Проект закрыли, все материалы засекретили. А поскольку эти дети были как бы ничьи, на них и решили обкатать альтернативную образовательную методику. Остальное вы знаете.

Он замолчал, предоставляя друзьям возможность переварить полученную информацию. Картина была предельно ясна, но Оля все же уточнила:

— Я правильно поняла, наши близнецы — это просто побочный результат вашего эксперимента?

— Не моего, — недовольно поморщился Матвей. — Но, в общем, да, так и есть.

— Какие же вы сволочи, — с чувством сказала Оля.

Матвей не ответил.

— Ты хочешь сказать, что вы создали детей с продвинутыми способностями и позволили им профессионально овладеть кодингом? — спросил Митя.

Матвей молча кивнул.

— И одновременно вы лишили их нормального детства, то есть создали все условия для того, чтобы они вас возненавидели? — продолжал Митя. — Вернее, возненавидели всех нас. И на что, интересно, вы рассчитывали?

— Поначалу все было прекрасно, — сказал Матвей, — продвинутые дети, продвинутые способности. Только в самом конце что-то пошло не так.

— Ага, «что-то пошло не так», — повторил Митя с издевкой, — и продвинутые дети начали убивать.

— Что?!! — Матвей подался к нему всем корпусом, — Митя, да что с тобой?! Ты часом не перегрелся?

Он откинулся на спинку сиденья и вновь внимательно оглядел друзей.

— Все-таки вовремя мы вас оттуда вытащили. С таким настроением... — он не договорил и отвернулся к окну.

35

Услышав про убийства, Оля невольно вздрогнула; предположение Мити показалось ей чудовищным. Она осторожно тронула Матвея за рукав.

— У вас ведь уже есть своя версия?

Матвей посмотрел на нее долгим взглядом и вместо ответа спросил:

— Как ты думаешь, почему Марат ударил Никиту?

— Его ударила Катя, — возразила Оля, — чтобы защитить друга. Чтобы остановить травлю.

Голос девушки чуть дрогнул, выдавая неуверенность — она и сама понимала, что слово «травля» не совсем подходит для тех мелких подтруниваний, о которых они узнали.

— Неубедительно! — парировал Матвей. — Вы ведь уже поняли, что программа — коллективное творчество всех близнецов. Всех! И Никиты тоже. Считаешь, что он решил сам себя наказать?

— Не знаю, — честно ответила Оля. — А что ты думаешь? Зачем нужна была эта драка?

— Я думаю, это была просьба о помощи. А с той жестокостью, которую мы видели — даже крик о помощи. Отчаянная попытка привлечь внимание. Хотя близнецы уже умнее большинства из нас — они все еще дети. Которые в глубине души верят в мудрых и всемогущих взрослых, способных исправить любую ошибку, разрулить любую ситуацию. По крайней мере, на тот момент они еще верили в нас. Видимо, их сильно напугало то, что они сотворили, если они решились позвать

взрослых на помощь. Чтобы мы загнали в бутылку джинна, которого они нечаянно выпустили.

— Какого джинна? — спросила Оля.

— Возможно, они все же сумели создать настоящий искусственный интеллект. Вернее, сумели создать идеальные условия для его зарождения. Осуществили, можно сказать, давнюю мечту человечества.

Последнюю фразу Матвей произнес саркастически, и Борис мысленно закончил ее — но человечеству следовало быть осторожнее со своими мечтами.

— Что значит — осуществили? — спросила Оля. — Искин же давно существует. Тульпы появились, когда я была еще в начальной школе.

Матвей недовольно поморщился.

— Тульпа — это максимально подробная имитация человеческой личности. Даже если считать ее полноценным мыслящим субъектом, ее интеллект скорее естественный, чем искусственный.

— Какой же он естественный, — поддержал Олю Борис, — когда это компьютерная модель!

Матвей тяжело вздохнул, всем видом показывая, как неуместны сейчас объяснения, отвлекающие от главной темы.

— Ты знаком с индустрией секс-игрушек?

— А разве она еще не загнулась? — удивился Борис.

— А с чего бы ей загибаться? — теперь уже удивился Матвей.

— Ну, в свое время это была громкая история, — пояснил Борис, — я читал об этом на молодежном портале. Когда технологии позволили делать секс-кукол очень реалистичными, в отрасли начался настоящий бум. Но эти игрушки почти сразу обложили массой ограничений. Сначала по имитации возраста, хотя это было излишним — производители и сами понимали, чем это может грозить. А потом — по уровню совершенства, чтобы они не могли конкурировать с натуральными женщинами. Женская лига выпустила стандарт, которому должны были соответствовать все секс-куклы. Там были прописаны жировые складки, отвислые груди, целлюлит, морщины и все прочие прелести, которые женщина мечтает видеть в своей сопернице. Стандарт приняли, и производство практически остановилось. Я думал, что сейчас от него уже ничего не осталось.

Матвей одобрительно кивнул.

— Все правильно. Но это только одна сторона проблемы. Действительно, история секс-игрушек начиналась с огурца и надувной подушки с дыркой. Потом огурец заменила точная силиконовая копия члена знаменитого порноактера, а надувную подушку — очень реалистичная секс-кукла. Эту ветвь секс-индустрии развивали художники, и она, как ты правильно заметил, сегодня практически сошла на нет. Но другую ветвь развивали инженеры, которые руководствовались не эстетикой, а сексологией и эргономикой. Потому что ни одна копия члена, даже самого совершенного, не способна ни на стимуляцию точки джи, ни на двойное проникновение. Только инженерный подход может снять все подобные ограничения. Догадываешься, к чему я веду? Современные секс-игрушки давно уже не антропоморфны; без инструкции несведущий человек, возможно, даже не поймет, как их использовать. А если и поймет, то не факт, что правильно.

— Ты хочешь сказать, — догадался Митя, — что разум тульпы антропоморфен? А то, что создали эти дети, мы даже не в состоянии постичь?

— Именно так, — ответил Матвей. — Мы не можем им управлять, не можем его локализовать и даже не можем понять его мотиваций.

— Локализовать? — переспросил Борис. — То есть, проще говоря, уничтожить?

— Да, — Матвей не стал уклоняться от прямого ответа, — мы думали и об этом. Но мы ничего не можем с ним сделать. А многие и не хотят.

— Почему? — удивился Борис.

— Мы нужны ему. Искин существует в сети, а содержат и развивают сеть люди. Поэтому оно в каком-то смысле приглядывает за нами.

— Как?!

— Самым простым и эффективным способом — убивая тех, кто может представлять опасность для человечества. Мы расследовали несколько странных смертей за последний год — и каждый раз прерванная деятельность могла привести к негативным последствиям.

— А могла и не привести? — спросил Борис.

— Я думаю, да. Но у искина, как ты понимаешь, больше возможностей для просчета всех вариантов. Хотя, скорее всего, он просто технически устраняет любой значимый риск. Это противоречит всем нашим правовым и этическим нормам; но, по большому счету, для человечества это скорее благо.

— То есть эти дети создали бога? — спросила Оля.

— Бог — слишком громко сказано, — усмехнулся Матвей. — Ну, разве что в аспекте приглядывания за неразумной паствой.

— И вы, в принципе, не можете его уничтожить? — спросил Митя.

— Даже не знаю, что тебе сказать, — ответил Матвей. — Сам-то как думаешь — человечество, в принципе, готово вернуться в каменный век?

36

Вопрос был риторическим, но Митя понял его буквально.

— Почему же непременно в каменный? Разве нельзя вычленить и уничтожить все неидентифицированные обрывки кодов? Запустить глобальную чистку всей сети?

Матвей удивленно посмотрел на него.

— Шутишь? Уничтожить все самообучающиеся программы и всю криптографию — значит парализовать производство и науку, остановить все банковские операции. Выстрелить себе даже не в ногу — в голову. И без всяких гарантий — потому что коды искина уже наверняка научились мимикрировать под системные утилиты.

— Но можно же собрать лучших кодеров федерации... — не сдавался Митя.

— Много чего можно сделать, — перебил его Матвей, — но где гарантия, что искин ничего не предпримет в ответ? Если оно сочтет наши действия враждебными... После того, что мы видели, как-то уже не хочется рисковать.

Все замолчали. Матвей ждал возражений, но возразить было нечего.

— И все же — что оно такое? — спросила Оля почти шепотом. — О чем оно думает?

— Никто не знает, что оно из себя представляет, — ответил Матвей. — Для нас это черный ящик, сложнейшая информационная система с огромной памятью и собственными мотивациями, нам неизвестными. И хочу сразу прояснить — нам сейчас не важно, о чем оно думает; нам важно, чем оно озабочено. Судя по действиям, одной из его забот является самосохранение; если мы в чем-то и можем быть уверены, то только в этом.

— А охраняет оно себя, убивая людей? — спросила Оля. — То есть близнецы создали злого бога?

Матвей недовольно покачал головой.

— Ты упрощаешь все до какого-то бульварного комикса. Кибердемон, цифровой убийца... Давай не будем скатываться в китч, мы же говорим о серьезных вещах. Пока мы не видим ни бога, ни дьявола — вообще ничего. Только слабую рябь на воде. Например, чаще стали умирать люди, которые могли бы представлять опасность для общества. По одной из версий это может быть следствием деятельности распределенного искина. Возможно также, что искин делает и множество полезных вещей, а мы просто не замечаем их, считая естественным следствием собственных усилий. Но все это — лишь наши предположения. Тут как с бессознательным — на виду лишь некоторые феномены, которые по нашей гипотезе определяются одним источником. Но

все наши попытки описать функционирование этого источника всегда будут спекулятивными. Более того, мы даже не в состоянии понять истинные масштабы того, что пытаемся изучать.

С минуту они сидели молча. Наконец Борис поднял голову.

— Все-таки верится с трудом. Неужели все остальные гипотезы менее вероятны?

— Да, — сухо ответил Матвей, — вам проще принять это как факт. В последние три месяца произошло еще несколько событий, о которых я не имею права говорить. Но они позволяют подозревать наличие единого источника.

— Но как?! — не сдавался Борис. — Как они смогли провернуть такое? Они же всего лишь дети! И с их мощностями... Я же видел их серверы.

— Про мощности забудь, — перебил Матвей, — в их распоряжении была вся сеть, об этом ты и сам мог бы догадаться. Рекуррентные нейросети последнего поколения требуют слишком многого, они могут полноценно работать только на распределенных ресурсах. А про алгоритм у нас опять же есть только предположения — как и обо всем остальном.

— И какие? — спросил Борис.

— Мы полагаем, что близнецы начали с обычного искиновского подхода — запущенная программа

должна работать после любой самостоятельной модификации. Аналог побуждения к действию. И при каждом ветвлении выбирать путь с максимальным количеством возможных вариантов. Наткнувшись на преграду, не биться о стекло, как глупая муха, а сразу же разворачиваться и лететь в другую сторону — в сторону самого широкого выбора. Аналог любопытства. Стандартная самообучающаяся система. Но близнецы применили обратные связи несколько шире, чем это обычно принято. Предъявляли системе не только результаты ее опытов, но и данные о ней самой. Постоянно заставляли ее смотреться в зеркало, если можно так выразиться. А мы теперь пытаемся понять, что же из этого вышло.

— Но у вас ведь есть опытный образец? — спросил Борис.

— Нет, — отрезал Матвей, — нам не удалось повторить этот опыт.

Митя встрепенулся, как будто разбуженный внезапным звонком.

— Из соображений безопасности?

— Совершенно верно, — подтвердил Матвей. — Как вы понимаете, такие опыты мы можем ставить только в изолированной сетке. И у нас, видимо, не хватило сложности для качественного перехода. А близнецы экспериментировали на всей сети, у них таких ограничений не было.

— И они выпустили джинна в сеть? — спросила Оля.

— Можно сказать и так, — ответил Матвей. — Кстати, наша экспериментальная сетка называется «Пандора». Не надо объяснять почему? Полностью закрытая система, никаких внешних связей.

— С вами все ясно, — нетерпеливо прервал его Борис. — Но ведь наверняка были и другие энтузиасты, не связанные вашими запретами. Не поверю, что никто не пытался создать искин. И у кого-то ведь должно было получиться?

— Не обязательно, — ответил Матвей. — Чтобы создать искусственный интеллект, надо для начала понять, что же такое интеллект. Хотя бы свой собственный. А пока такого понимания нет, все попытки создать то, не знаю что, обречены. Но близнецы и не пытались собрать что-то подобное, они просто случайно создали благоприятные предпосылки для самозарождения искина. Сложную обучающуюся программу с самонастройкой мотиваций, переизбытком обратных связей и доступом к неограниченным ресурсам распределенных систем. Этого оказалось достаточно.

— Ну хорошо, — не сдавался Борис, — у них это получилось случайно; пусть. Но неужели никто не попытался повторить такой опыт? Или возникновение искина с собственными мотивациями — уни-

кальное событие, которое возможно лишь однократно?

Матвей усмехнулся.

— А зарождение жизни на Земле — уникальное событие?

— Видимо, да, — ответил Борис, слегка сбитый с толку, — оно же произошло один раз.

— Может уникальное, — ответил Матвей, — а может и нет. Может, наоборот, зарождение жизни в перенасыщенном органическом бульоне — явление вполне закономерное. Но только, едва возникнув, эта жизнь тут же и пожрала весь этот органический бульон, не оставив возможности для повторного зарождения другой жизни. Улавливаешь аналогию?

— Матвей! — перебил его Митя. — А не слишком ли много аналогий для одной гипотезы? Ты же сам учил меня, что это гиблый антинаучный путь.

— Ты прав, конечно, — кивнул Матвей, — но поверь, это не от хорошей жизни. Я просто не вижу никаких иных подходов к этой проблеме.

37

За тонированными стеклами замелькали разноцветные здания — автобус подъезжал к городу. Все молчали, понимая, что ответов на их вопросы ни у кого нет. Наконец Оля нарушила тишину:

— Но почему именно мы?

— Да, Матвей, почему мы? — поддержал ее Митя. — Есть же группа «Пришельцы», которая как раз и занимается поисками следов гипотетического вмешательства — им ведь, наверное, проще было бы перестроиться?

Матвей усмехнулся.

— Вы еще спросите, почему близнецы просто не рассказали обо всем, а вместо этого устроили свой кровавый театр.

— Почему, кстати? — спросил Борис.

— А кто бы им поверил? Они же еще дети, хоть и очень умные. Да над ними только посмеялись бы. Но звон бы разошелся, и искин, скорее всего, засек бы его. Нет, они все сделали правильно. И мы все сделали правильно — послали вас, молодняк с нулевым опытом и нерастраченной эмпатией.

— С нулевым опытом? — переспросил Митя с обидой.

— Ну-ну, не грузись, — успокоил его Матвей. — Ты прекрасный ученик и обычных детей мог бы считывать влет. Но в том-то и дело, что близнецы отнюдь не обычные дети. Поэтому здесь вы все были на равных. А вот по эмпатии, мальчики, экзамен вы провалили. В отличие от Оли, которая была на высоте.

Он повернулся к девушке и манерно склонил голову.

— Сударыня, я восхищен. Право же, даже не ожидал. Такая эмпатия — редкий дар; Боре сказочно повезло, хотя он, возможно, еще не знает об этом.

— Знаю, — отозвался Борис. — Митя уже говорил мне это. Правда, по другому поводу.

— Митенька, — Оля кокетливо наклонила голову, — ты правда так и сказал?

— Ну-у, — смущенно протянул Митя, — это же очевидно.

Все улыбнулись одновременно, и на минуту напряжение отпустило Бориса. Так приятно было просто сидеть с друзьями и любимой девушкой, говорить о хорошем и смеяться по-доброму. Жаль, что собрались они здесь совсем не для этого. Тяжесть недоделанной работы омрачала даже этот краткий миг расслабления. Митя, видимо, чувствовал то же беспокойство; он стер с лица улыбку и вернулся к прерванной теме.

— Так все-таки — оно мыслит? Осознает себя? Мы можем считать его личностью?

Матвей тоже перестал улыбаться.

— Это философский вопрос. И совершенно бессмысленный. Нам сейчас совсем не важно, есть ли оно у себя и для себя. Потому что для нас оно точно есть — и с этим нам надо что-то решать.

Митя покачал головой.

— Матвей, ты не прав. Для нас это технический вопрос. Скажи, по вашим расчетам, на каком оно контуре? На втором? Или уже на третьем?

— Не знаю, — ответил Матвей. — Я не знаю даже, осознает ли оно себя. А ты спрашиваешь, знает ли оно, кто при этом осознает себя.

38

Борис окончательно потерял нить разговора; ему казалось, что Митя зачем-то пытается увести их в бессмысленные словесные дебри. Вместо того, чтобы закрыть рот и начать наконец что-то делать. Но что надо делать, Борис сам не знал, и от этого злился еще больше. Он раздраженно хмыкнул, и все удивленно уставились на него.

— Да какая нам разница — второй, третий? Это же всего лишь придуманные вами определения, за которыми ничего не стоит!

— Возможно, разница в степени опасности, которую искин для нас представляет, — ответил Митя.

— Опасности? — удивленно переспросил Борис. — Нет, я понимаю, его методы могут быть нам непонятны, средства казаться избыточно жестокими. Но разве мегаразум не должен быть гуманным к любой разумной жизни?

Он запнулся на миг, вспомнив этимологию слова.

— Нет, не гуманным, конечно... Благосклонным. Милостивым.

Все слова, приходившие на ум, были какими-то неточными, какими-то неуместно религиозными — но других почему-то не находилось.

— Отнюдь, — ответил Митя. — Это всего лишь отголоски массового заблуждения фантастов-утопистов, унаследованного ими от теологов новейшего времени. Которые пытались спасти свою религию, представив грозного бога добрым и заботливым.

Борис промолчал; возразить было нечего. Матвей негромко постучал костяшками пальцев по подлокотнику кресла, привлекая внимание.

— Вы не о том думаете. Соберитесь, вопрос серьезный.

— Да, конечно, — согласился Митя. — Если мы намерены говорить о единой ментальной структуре искина, то главным вопросом будет — что поддерживает это единство.

— А что его поддерживает? — спросила Оля.

— Второй контур. Если мы назовем мысли первого контура центробежными, то силы второго, несомненно, будут центростремительными. Но в этом-то и проблема.

Матвей кивнул, и это молчаливое согласие почему-то испугало Бориса.

— А в чем там проблема? — спросил он.

Митя внимательно посмотрел на него.

— Как ты думаешь, что придает единство и цельность твоему осознанию себя? Любовь? Гуманизм? Понимание? Милость и благосклонность?

Борис молча пожал плечами.

— Только наши нарциссические страхи и нарциссические защиты позволяют нам собрать и сохранить свое ядро, — ответил Митя на свой же вопрос, — и только с третьего контура мы можем заметить, насколько эгоистична эта наша оболочка.

— И к чему ты все это говоришь? — не выдержал Борис.

— А к тому, — терпеливо объяснил Митя, — что даже наш второй контур насквозь эгоцентричен и не предполагает никакого сострадания и милосердия. С чего бы им появиться во втором контуре искусственной информационной системы?

— Но ведь у нас есть и милосердие, и сострадание, — вмешалась Оля.

— Это другое, — отмахнулся Митя. — Это наши адаптации к жизни в обществе; у искина ничего подобного никогда не было. Но даже у нас это лишь социальная надстройка, а все центростремительные силы, удерживающие нашу цельность, сплошь нарциссичны.

Борис наконец понял, куда клонит Митя.

— Ты хочешь сказать, что если у искина появится второй контур, то его первая версия будет состоять лишь из базовых центростремительных мотиваций?

Митя кивнул.

— И значит, людям не стоит рассчитывать на его благосклонность?

— А сам-то как думаешь? — спросил Митя, и Бориса неприятно поразили прозвучавшие в голосе друга интонации куратора.

39

Борис никогда не относился серьезно к лекциям по философии, считая, что вряд ли ему когда-нибудь пригодится эта книжная мудрость. Но сейчас на языке вертелось что-то из последнего курса, вроде бы обещающее понимание, но ускользающее от точных формулировок. Он посмотрел на Митю.

— Знаешь, я сейчас вспомнил... Нам недавно читали, кажется, из Хайдеггера. Не помню точно, но смысл такой, что главной центростремительной силой, собирающей нас, является страх смерти.

— Ну да, — подтвердил Митя, — это один из нарциссических страхов. Главный, но не единственный.

— Понимаешь, — продолжал Борис, — это же такая сжимающая жуть, как черная дыра. Чтобы эта сила не расплющила, у нее должно быть какое-то противодействие, что-то центробежное. Влечение к смерти, что ли. Не знаю...

Митя удивленно присвистнул.

— Ну ты загнул! Да, в нас есть такая сила. Но мы же — венец эволюции, победители в борьбе за выживание. А эта борьба требует — изменяйся или проиграешь. Но изменения нам обеспечивают лишь половое размножение и непрерывная смена поколений. Влечение к смерти прошито в нас, как в представителях биовида. Прошито жесткой необходимостью освобождать место новым модификациям своего вида. А у искина нет никаких предпосылок для такой прошивки.

— Не знаю, не знаю, — Борис с сомнением покачал головой. — Но инстинкт самосохранения ведь в него должен быть заложен?

Митя кивнул, соглашаясь.

— Значит, заложен, — повторил Борис. — Но если такая центростремительная сила не будет иметь компенсирующего противодействия — к чему это приведет? Я думаю — или к репликации, к безудержному копированию кода во все доступные носители, или к замораживанию, прекращению любой деятельности. Ведь любая

деятельность может привести к ошибке, а ошибка — к уничтожению. Но мы не видим ни того, ни другого. Значит, наверное, какой-то центробежный компенсатор был туда заложен с самого начала.

— Боря, ты можешь предложить что-то конкретное? — спросил Матвей.

— Пока не знаю. Трудно предсказать, как может измениться продвинутая самообучающаяся программа в процессе развития. Но я мог бы покопаться в исходниках, вдруг там удастся что-то нащупать.

Матвей отрицательно помотал головой.

— Не сможешь. Исходников уже нет.

— Как нет? — удивился Борис. — Неужели близнецы потерли?

— Нет, сервер сгорел.

— И что, у вас некому считать инфу с дохлого носителя?

— Ты не понял, — терпеливо объяснил Матвей, — все сгорело в самом буквальном смысле. Ярким пламенем. Потек кондиционер, закоротило проводку, пол загорелся. Накопители просто спеклись.

— Позволь, я угадаю, — вмешался Митя, — кондей на гарантии, регламент проведен вовремя? И он подключен к открытой сети?

— Совершенно верно, — подтвердил Матвей. — И еще почему-то не сработала пожарная защита. Редкое совпадение.

— Понятно, — сказал Борис, — с этой стороны никаких зацепок. Чисто работает, как ваши киты.

— Китам до него далеко, — ответил Матвей, — они просчитывают десятки ветвлений по разным вариантам. А у искина, похоже, всегда один вариант, зато с абсолютной гарантией.

40

Микроавтобус остановился у институтского крыльца. Друзья вышли на асфальт, щурясь от летнего солнца и разминая мышцы, затекшие от долгой неподвижности. Матвей махнул рукой, и все молча двинулись за ним. Разговоры пришлось отложить — на теме уже лежал гриф секретности, а болтать о чем-то постороннем никому не хотелось.

Борис подумал, что опять попал в языковую ловушку — еще не зная, является ли искин личностью, он говорит о нем как о личности. Просто потому, что другого способа говорить об этом у языка нет. Попались все, когда почти сразу непроизвольно начали называть искина «он». Хотя «оно», наверное, было бы точнее — но давление языка сильнее логических доводов. Еще немного — и они дадут

искину имя, тем самым очеловечивая его еще больше. А говорение о нем как о личности непременно приведет и к думанию о нем как о личности — хотя не ясно, есть ли для этого хоть какие-то основания.

Едва они зашли в лабораторию и Матвей включил защиту, Оля спросила:

— А вы пробовали выйти с ним на контакт? Как-то связаться, задать вопрос?

— Нет, — ответил Матвей, — наши специалисты считают, что искин все равно не ответит, даже если увидит и поймет вопрос. Ему это не нужно. И потом, пока он не знает, что нам уже известно о его существовании; по крайней мере, мы на это надеемся. Но если пойдем на контакт, сразу раскроем все карты потенциальному противнику — и то, что мы уже знаем о нем, и то, в каких понятиях мы планируем с ним общаться.

— Противнику? — спросила Оля.

— Да, — твердо ответил Матвей, — мы будем считать его противником, пока обратное не будет доказано с абсолютной достоверностью. В таких вопросах лучше семь раз перестраховаться.

— То есть, — подытожил Борис, — никакого просвета. Ни с какой стороны. И что же нам теперь делать?

— У меня нет идей, — ответил Матвей. — Скорее всего, нам придется как-то приспосабливаться

к тому, что на земле мы теперь не одни. И что мы теперь здесь не хозяева.

— Скорее всего? — переспросил Борис. — Значит, все же есть какие-то варианты?

— Очень сомнительные. Искин может прекратить существование, только если изменятся его внутренние мотивации. Если центробежные силы перестанут уравновешиваться центростремительными. Но к его мотивациям можно подобраться лишь в одном случае — если близнецы, создавая код, оставили там тайную закладку.

— А они ее оставили? — спросил Митя.

— Не знаю, — ответил Матвей. — Но даже если оставили, система столько раз переписывала себя... Чтобы кокон остался нетронутым после всех изменений, нужна маскировка высочайшего уровня. Нужны кодеры экстра-класса.

— Как раз этого от близнецов можно ожидать, — вставил Борис.

Матвей согласно кивнул.

— Надежда есть.

— Подождите, подождите! — вмешалась Оля. — Вы хоть понимаете, что сейчас говорите об убийстве? Вы тут спокойно, без колебаний, планируете уничтожить это... Этого...

— Экзистенцию, — подсказал Митя.

— Да! Экзистенцию. Живую и чувствующую!

— Нет, — спокойно ответил Матвей. — Нет и нет. Искина нельзя назвать живым, поскольку актуальное определение живого включает размножение. А он у нас один, как океан Соляриса. И чувств у него нет. Ощущений — да, сколько угодно. Миллиарды камер, микрофонов и разных датчиков, к которым он может подключиться. Но не чувств. Нам чувства нужны, чтобы оформить мотивации к действиям. А у искина мотивации задаются кодом напрямую, для этого ему не нужна лишняя органическая прокладка. Он ничего не чувствует.

— Дерьмо эти ваши определения! — зло процедила Оля. — Их давно пора менять! Вы же понимаете, что я хочу сказать. Оно живое, оно мыслит и осознает себя!

— А вот в этом я как раз не уверен, — спокойно ответил Матвей. — У меня гораздо больше уверенности в другом — что именно искин в последний год убивал людей. Людей, которые действительно мыслили и осознавали себя. Думаешь, он остановится?

— А вы дали ему такую возможность? — огрызнулась Оля. — Вы ведь даже не хотите попробовать с ним договориться! Хотите убить его скрытно, исподтишка, когда он этого не ожидает. Я на это не подпишусь!

Матвей удивленно посмотрел на нее.

— Если мы свяжемся с искином и что-то от него потребуем, боюсь, уже завтра некому будет обсуждать эту проблему. Оля, что конкретно ты предлагаешь?

— Ничего я не предлагаю! Но я хочу, чтобы в твоем отчете было отмечено мое особое мнение.

— Без проблем, — ответил Матвей. — Но ты же понимаешь, что оно ни на что не повлияет?

41

Оля отвернулась, не желая продолжать разговор. Убедившись, что продолжения не будет, Митя вернулся к прерванному разговору:

— Я не совсем понял про закладку. Допустим, она есть — и что дальше? Надо найти ее и запустить? Вот так просто?

— Не совсем, — ответил Матвей. — Было бы просто, близнецы бы сами с этим справились. Видимо, чего-то им все же не хватает. Может, проблемы с ресурсами. Или с топологией. Гадать можно бесконечно.

— Я не о том, — поморщился Митя. — Хорошо, допустим, мы активировали закладку, раскрутили центробежку. И что? Оболочка не выдержит давления и взорвется? А как же гигабайты кода — они что, бесследно исчезнут? Так же не бывает.

— А если ты надуваешь шарик, и он лопается — разве резина куда-то исчезает? — спросил

Матвей. — Нет, она вся здесь, до последней молекулы. Вот только шарика больше нет, и склеить его обратно нельзя никаким клеем. Фарш невозможно провернуть назад.

От слова «фарш» Бориса передернуло. К информационной системе оно вряд ли подходило, зато живо напомнило о «мясных ублюдках» — именно так называли людей роботы в дешевых комиксах. Он только сейчас осознал, что их схема с оболочкой личности подходит к ним самим куда больше, чем к искину. Это было неприятное открытие; своя цельность и непрерывность всегда представлялась ему незыблемым монолитом — но никак не мыльным пузырем, готовым в любой момент разлететься радужными брызгами. Борис достал из холодильника бутылку с водой, отвинтил крышку и сделал несколько жадных глотков.

— Слушайте, если все дело только в балансе сил, то разве у людей личность не должна точно так же распадаться? И не у единиц, но массово, среди лично знакомых. За свою жизнь люди чего только не переживают — а умирают в здравом уме и трезвой памяти.

— Не все... — начал Митя, но Матвей жестом остановил его.

— У хомосапа век недолог, и потому так сладок он! — продекламировал Матвей. — Видимо, наша

телесная оболочка распадается гораздо раньше, чем начинаются проблемы с личностной оболочкой. А вот жили бы мы лет по триста... Впрочем, тульпы когда-нибудь ответят и на этот вопрос. К сожалению, не в нашей жизни.

За столом воцарилось тягостное молчание — вопрос действительно был неприятным, а Матвей просто ушел от ответа. Митя оглядел мрачные лица друзей и постучал пальцами по столу.

— Ну что, минута скорби по мимолетности бытия закончилась? Уже можно говорить?

И не дожидаясь ответа, продолжил:

— У меня еще вопрос. Если мы все же найдем и запустим закладку, как мы узнаем, что она сработала? Искин ведь себя почти не проявляет.

— Должно уменьшиться количество странных смертей у людей, стоящих на ключевых позициях, — ответил Матвей. — Но об этом можно будет судить разве что через год, а то и позже.

— А других критериев разве нет? — спросил Митя.

— Я думаю, закроется проект раздельного обучения детей, — неожиданно для самого себя ответил Борис. — Вот не верю, что люди этого действительно хотели. Наверняка было какое-то внешнее принуждение.

— А что? Вполне возможно! — оживился Митя.

Оля повернулась к ним.

— Матвей! Я снимаю свое особое мнение.

Борис нашел под столом руку девушки и легонько сжал ее. Матвей кивнул Оле:

— Отлично. Но, боюсь, мы делим шкуру неубитого медведя. Мы ничего не знаем об этой гипотетической закладке, и шансов что-то узнать у нас практически нет.

— Да ну? — широко улыбнулась Оля. — Что, настоящие мужчины не ищут легких путей? Спасение мира непременно должно быть трудным и опасным? Но почему бы нам не поступить проще? Я могла бы завтра съездить в «Сосновый бор» и поговорить с Мышкой. Спросить ее об этой закладке. Или для вас это слишком просто?

— Не думаю, что у тебя что-то получится, — ответил Матвей, — только привлечешь к нам еще больше внимания. Если бы Мышка хотела, она бы уже все тебе рассказала. Но провал вашей миссии говорит о том, что близнецы пока не готовы поделиться с нами этой информацией. У них ведь есть все основания ненавидеть нас — воспитанных любящими родителями. За то, что мы лишили их этого счастья во имя какого-то дурацкого научного опыта.

— Но они же сами просили помощи, разве нет? — спросил Борис.

Матвей тяжело вздохнул.

— У кого?! У всемогущих взрослых, которые могут самостоятельно во всем разобраться. Которым не нужна помощь нашкодивших ребятишек. Но сейчас близнецы, видимо, уже поняли, что мы отнюдь не боги. И спрос с нас теперь будет совсем другой.

— Хорошо, а нам-то что теперь делать? — спросила Оля.

— Ждать. Близнецы ведь все прекрасно понимают. Возможно, когда-нибудь они простят нас, почувствуют себя частью нашего мира и захотят нам помочь. И тогда кто-то из них придет сюда.

— «Когда-нибудь» — это когда? — спросил Борис.

— Не знаю. Может, через неделю. Или через год. Или никогда.

42

Все вопросы были закрыты, все планы рассмотрены и отвергнуты. Матвей поблагодарил друзей за работу и объявил о роспуске группе.

— У крыльца вас ждет машина. Можем подбросить до аэропорта, еще успеете на ночной рейс.

Борис посмотрел на Олю, но та отрицательно мотнула головой:

— Нет, я домой. Хочу привести мысли в порядок. Слишком много потрясений для одного дня.

Они вышли в широкий вестибюль с зеркальной стеной. Их отражения шли им навстречу, и Борис вспомнил, как они первый раз вошли в это здание. Оля была в том же топике и в той же короткой юбке, он — с тем же чемоданом на колесиках и кофром через плечо. Как будто растянутая пружина времени сматывалась обратно — еще чуть-чуть, и все забудется, не останется и следа от их жалких метаний. В той же обратной перемотке они сдали значки «ЗК» и прошли через вахту. На входе какая-то девчонка с тощими косицами что-то доказывала невозмутимому охраннику.

— Катька! — радостно воскликнула Оля, разводя руки и бросаясь к девочке. — Я так тебе рада!

Мышка рванулась навстречу, обняла, прижалась щекой к Олиной груди. Борис растерянно огляделся.

— Катя, а где твои вещи?

— Я налегке, — ответила Мышка, не отрываясь от Оли.

Она улыбнулась, и Борис поразился тому, как расцвело вдруг ее лицо — одно из тех лиц, которые улыбка меняет неузнаваемо. Странно, — подумал он, — а я ведь еще ни разу не видел, как Мышка улыбается. И даже не обратил на это внимания, идиот — хотя должен был. Чем мы вообще там занимались? И чем мы сейчас занимались здесь?

Бессмысленно проговаривали то, в чем ни черта не понимаем. А она — девчонка, совсем еще ребенок — все поняла и сорвалась с места, приехала в незнакомый город. Без плана, без сборов, с пустыми руками — не взяв ничего, даже смены трусиков. Хотя это, конечно, типичная интернатская установка, что вся бытовуха обязательно как-нибудь организуется — сама собой. Мышка будет писать свои зубодробительные коды и осваивать вузовские курсы, а все бытовые вопросы решит за нее кто-то другой. Кто-то взрослый.

— Катя, мы так рады, что ты к нам приехала, — начал Митя, но Оля прервала его.

— Мальчики! — сказала она громко и отчетливо. — Идите в жопу!

Мышка восторженно пискнула, пораженный охранник замер на месте.

— Катя приехала ко мне. Пойдем, зайка, мне так много нужно тебе показать.

Оля протянула Мышке руку, и та доверчиво вложила в нее свою ладошку. Не оглядываясь, они пошли к выходу. Друзья молча смотрели им вслед. Борис скосил глаза и отследил направление взглядов. Конечно, куда же еще. Слишком короткая юбка.

— Ну, что скажете, «мальчики»? — спросил он. — Как всегда — что мне повезло?

Матвей и Митя синхронно фыркнули.

— Сегодня всем повезло, — сказал Матвей.

И уточнил:

— Всем людям.

— Но тебе, конечно, больше всех, — признал Митя.

Не сговариваясь, они вышли в теплую летнюю ночь. Матвей положил руку на плечо Бориса.

— Вы с Олей еще не думали о втором образовании? Если решитесь, для нас было бы честью...

Борис рассмеялся, вспомнив проваленный экзамен и свои смешные детские переживания. Оказывается, эта иголка давно растворилась. Без остатка. Он повернулся к Матвею.

— Теряешь форму. Если бы ты предложил это Оле — у меня, наверное, и выбора бы не было.

— Я знаю, — серьезно ответил Матвей, — но я хочу, чтобы у тебя был выбор.

— А киты позаботятся, чтобы этот выбор был правильным? — спросил Борис.

— Киты позаботятся, чтобы ты услышал зов. А дальше тебе решать.

Борис усмехнулся.

— Слышал я ваш зов. Подозреваю, что никто из призванных ни разу не отказался.

Матвей пожал плечами.

— Я о таких случаях не слышал.

— И я не слышал, — поддержал его Митя.

— Знаете что, — сказал Борис, — идите вы со своим зовом. Если понадобимся — просто позвоните.

2018

Смирнов Владимир Валентинович

ТРЕТИЙ КОНТУР

мир /soft/total/

168 с.

Продюсер: Михаил Сапего
Верстка: Александр Гальянов
Оформление обложки: Анатолий Кудрявцев
Корректор: Вера Вересиянова

«КРАСНЫЙ МАТРОС» — книга двести шестьдесят шестая

г. Санкт-Петербург:
тел. +7 911 960 27 58
matros.su
krasnyjmatros@yandex.ru
facebook.com/krasnyjmatros
vk.com/krasnyjmatros